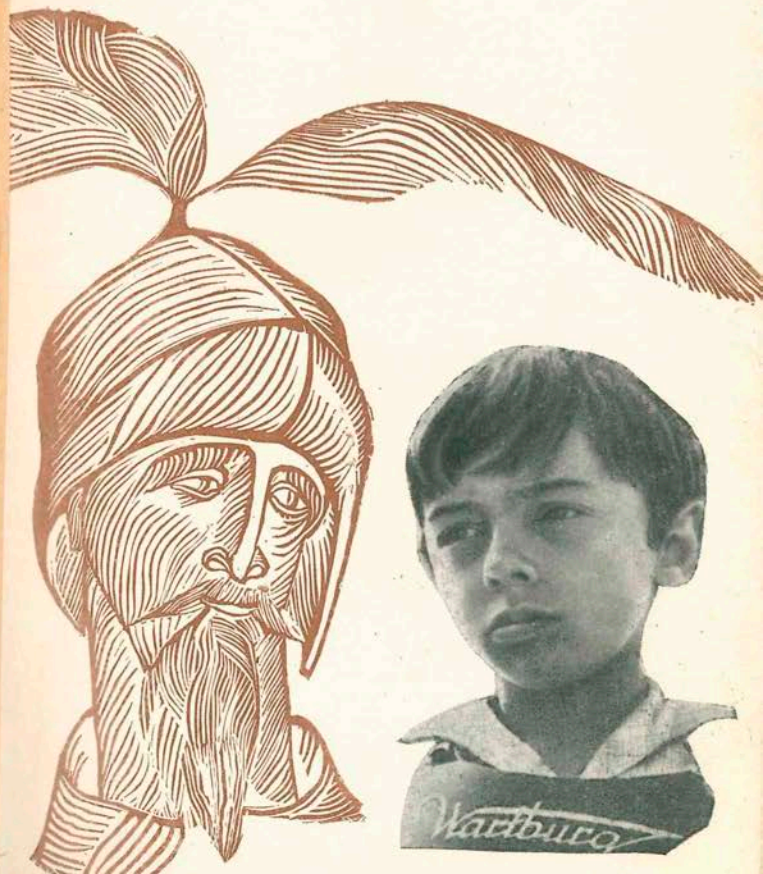

Валерий Петров
Рыцарь без лат

Валерий Петров — лауреат Димитровской премии, видный болгарский поэт, сценарист и драматург.

Родился в 1920 году в Софии в семье чиновника. Окончил Итальянский колледж в Софии и медицинский факультет Софийского университета. Печататься начал с 1936 года. В 1939 году вышла его поэма «Птицы на Севере», посвященная экспедиции папанинцев на Северный полюс.

После социалистической революции в Болгарии (9 сентября 1944 г.) писатель некоторое время был на дипломатической работе (культурный атташе в посольстве НРБ в Италии), главным редактором болгарской сатирической газеты «Стршел». Последние десять лет занимается исключительно литературной деятельностью.

Его произведения окрашены добрым, мягким юмором, нежной, поэтической улыбкой. Среди многочисленных поэтических произведений наиболее широко известны поэмы: «Стихи-49», «Дни, в которые мы живем», «Там, на Западе», «Погожей осенью» (в 1962 г. за нее поэт был удостоен Димитровской премии), «Мальчик-с-пальчик», «В дороге». Последние три поэмы были переве-

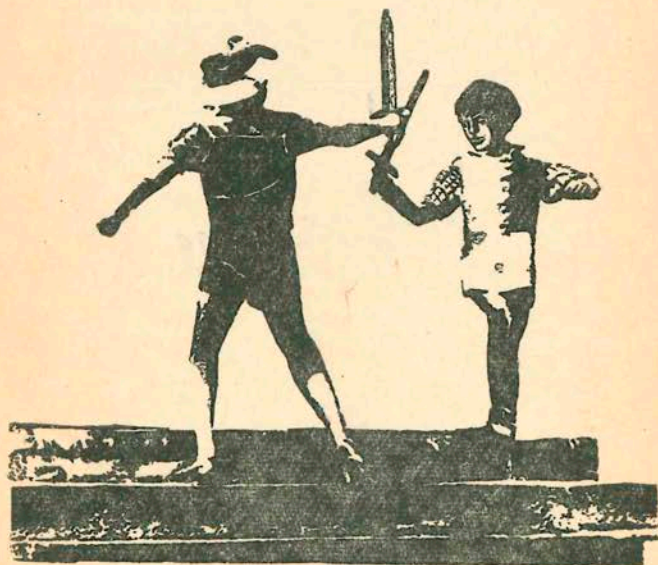
БИБЛИОТЕКА

КИНОДРАМАТУРГИИ

Валерий Петров

Рыцарь без лат

КИНОСЦЕНАРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО» МОСКВА 1968

— ВЫБИРАЮ... ВЫБИРАЮ... — слышится детский голос.

На короткой улице среди домов нового жилого массива дети играют в статуи. Один мальчик изображает фигуру играющего на гитаре, нескладная девочка в очках — «умирающего лебедя». Другая девочка приняла позу индийского божества. Но самым смешным выглядит девятилетний мальчик. Далекий от всяких образов, он просто-напросто широко расставил ноги, раскинул в разные стороны руки с растопыренными пальцами и, высунув до подбородка язык, устался на мальчика, выбирающего статую.

— Выбираю... Выбираю... Ваньо! — решает выбирающий.

— Хорошо, пусть будет Ваньо, — раздается совсем близко голос за кадром.

Детская игра приобретает новый смысл. Героем нашего кинорассказа будет Ваньо.

— Ваньо-о-о! — доносится женский голос. — До каких пор мы будем тебя ждать?

Мальчик, на котором мы остановили свой выбор, мгновенно перестает позировать.

— Я больше не играю! Поеду на машине!

— Брось ты эту машину, а! — кричат ему дети.

— А вам завидно, потому что у вас нет машин!

— Как бы не так! — возражает кто-то из ребят. — У нас вот «фольксваген», а я и то не задаюсь!

— Но он же у вас старый! — говорит наш герой, выходя из круга играющих.

— А если хочешь знать, один «фольксваген» в сто раз лучше, чем «вартбург», — несется ему вслед.

Наш мальчик, удаляясь от других детей, приближается к камере. Над ним появляется название фильма, начинается звучать основная музыкальная мелодия. И голос, который раньше произнес: «Хорошо, пусть будет Ваньо», продолжает разговор с маленьким героем.

Чей это голос? Это голос диктора, который начиная с этого момента будет вмешиваться в действие фильма, помогать нам глубже вникать в смысл той или иной мелкой подробности, которая в противном случае из-за стремления создателей фильма работать «в полутонах» «в документальном стиле» наверняка ускользнет от внимания зрителя.

Диктор не знает больше нашего о том, что будет рассказано в картине. Он просто чуть-чуть больше любит детей и несколько серьезнее относится к проблемам, волнующим взрослых в нашем обществе. Взяв, будто случайно, четыре эпизода из жизни одного ребенка, он вместе с нами следит за тем, что происходит на экране, вместе с нами улыбается и вместе с нами печалится. Постепенно мы привыкаем к его репликам, перестаем их замечать, потому что они сливаются с нашими реакциями или по крайней мере нам так кажется.

Его сердечный голос, сопровождаемый главной музыкальной темой фильма, звучит иногда весело, но чаще всего на нем лежит налет озабоченности.

В конце концов начинает казаться, что диктор и музыка сливаются в одно целое, и, даже когда звучит только музыка, мы чувствуем, что это — наш знакомый, который хоть и не говорит, но внимательно следит за действием фильма, живо откликаясь на все закономерности и неожиданности его сюжетной линии.

Однако диктор имеет одно преимущество перед нами — он может общаться непосредственно с раздумьями ребенка. Несколько раз он и использует эту возможность, помогая нам лучше понять происходящее в душе нашего маленького героя.

Вот он ведет с ним внутренний диалог:

— Ты кто?

На экране мальчик молчит, а его голос за кадром отвечает:

— Робин Гуд!

— Нет, серьезно?

— Ваньо Стамов.

— Уж не Стамова ли футболиста сын?

— Да нет! Отец у меня в министерстве работает.

— А-а-а...

— И у нас есть своя машина-а!

— Да ну?!.. А уроки ты выучил?

— Ха! Нас уже на каникулы отпустили!

— Совсем?

— Совсем. Только вечер еще будет и нам выдадут табели.

— А ты в концерте на вечере участвуешь?

— Маленького Мука играю.

— Ну хорошо, Мук. Желаю приятного тебе отдыха.

Из тесного двора отец мальчика задним ходом выводит свою новую легковую машину.

Отцу около сорока лет. Это человек с солидной осанкой, не очень приятный на вид. По напряжению, с которым он стиснул руль, по сильному реву мотора, по толчкам, которые сопутствуют движению автомобиля, можно сразу понять, что шофер он неопытный.

Сегодня воскресенье, и вся семья выезжает на новой машине на загородную прогулку.

— Налево! Налево! — командует мать.

Ей лет тридцать пять, она довольно миловидна, неглупа, слегка напудрена, в элегантном дорожном костюме. Сейчас мать и мальчик наблюдают за напряженными маневрами машины.

— Э, куда же больше! — сердится мужчина за лобовым стеклом, на котором укреплен треугольный знак, предупреждающий, что шофер начинающий.

— Ты же вертишь направо!

— Хватит! — грубо отвечает мужчина. — Вон аж куда я ее вывел!

Он с трудом вываливается из машины и видит, что едва не уперся задним крылом в ступеньки подъезда.

— Вот что значит послушаться женщину! — говорит он.

Потом глава семьи снова садится в машину и со страшным скрежетом из-за путаницы в переводе скоростей пытается подать машину вперед. Но из этого ничего не выходит.

— Остановись, папа! — кричит теперь и мальчик.

Откуда-то появляется молодой сосед по дому. В свою очередь советует:

— Подайте вперед, товарищ Стамов, и немного влево! Или дайте, я вам ее выведу!

Нет большей обиды, чем подобные слова.

— Мне самому ничего не стоит ее вывести, только... — говорит новоявленный шофер, высушившись из наполовину открытой дверцы. Захлопнув ее, снова резко дает задний ход.

— Багажник, багажник царапаешь! — кричит мальчик.

— Стоял! — вопит женщина.

Машина замирает. Хозяин ее зло смотрит перед собой, не зная, что предпринять. Около несчастной машины уже стали собираться соседи по дому. Среди них — пенсионер с детской коляской.

— Я же тебе говорила, что надо позвать Ивана! — с упреком говорит женщина.

— Это в воскресенье-то, а? — цедит сквозь зубы супруг.

— Мы бы ему заплатили, что тут особенно-го! — возражает жена.

В ответ муж только машет рукой.

— Слушай, начальство! Давай-ка мы ее так вытащим! — плюет на ладони один из соседей. — А ну, Коля!

И все трое берутся за задник машины.

— Раз, два... взяли!.. Эй, дети, отойдите!.. Раз, два!..

С шутками и прибаутками автомобиль все-таки оттаскивают подальше от подъезда.

— А теперь давай газ!

...Наконец машина выползает на улицу. Отец мальчика выходит из нее, осматривает поврежденный багажник. Царапина едва заметна, но он долго на нее дует, трет ладонью.

— Ничего не случилось! — успокаивает мать.

— Ничего! — со злостью бросает отец. — Уж молчи, если не знаешь, где левая сторона, а где правая.

Мать осторожно, боясь испачкаться, протирает газетой лобовое стекло. Отец ставит в багажник сумки с едой и удочку в чехле.

— Он обещал посадить меня за руль, как только выедем за город! — говорит мальчик своим приятелям, которые сбежали сюда, привлеченные шумом.

— Так он тебя и посадит! — не верят ему.
— Вот увидишь! Дядя Иван мне уже давал руль! — хвалится мальчик.

— Рассказывай кому-нибудь еще! — отвечают ему.

Ребенок подходит к отцу. Однако просьба его более чем скромна.

— Папа, ведь правда, я буду сидеть впереди?

Но отец не обращает на сына внимания. Он разговаривает с третьим соседом, который серьезно спрашивает:

— И талисман не забыли поставить, а?

Довольный отец кивает головой.

— Правильно! — одобряет сосед.

— Ты опять сюда лазил! — ругается отец, поправляя куклоку, подвешенную к зеркальцу над лобовым стеклом.

— Я не лазал! — оправдывается мальчик.

— А кто же тогда трогал зеркало? Почему оно смотрит на сиденье? — говорит отец, повертывая зеркальце.

— Мама, я хочу сесть впереди!.. — умоляет мальчик.

— И цвет ее хороший! — констатирует один из соседей, осматривая машину со всех сторон.

— Были еще лучше, — говорит мать, не обращая внимания на хныканье ребенка. — Бежевые. Но под носом у нас кончились.

— Э, а что в них было хорошего-то? — с раздражением замечает отец.

— Лучше были, чем эта, признайся!

— Уж эти женщины! Вечно они недовольны! А возьми мы другую — эта была бы лучше!.. Тыфу ты! Не все ли равно, какого цвета машина?

— Папа, я хочу сесть впереди! — хнычет мальчик.

— На обратном пути, — прерывает его мать, ставя свою сумку на переднее сиденье.

Двое других соседей тоже перебрасываются несколькими словами о машине.

— Все-таки хорошее дело — машина! — говорит молодой. — Только вот... — он трет указательный палец о большой... — Да и очереди ждать долго!..

— А мы вот за девять месяцев заимели! — шутит пенсионер с коляской.

Но как раз в этот момент в коляске начинает плакать ребенок.

— Да еще с мощным клаксоном! — смеется молодой.

Наконец вся семья разместилась в своей новой машине: мать — рядом с супругом, мальчик — на заднем сиденье, и лимужин с явно излишним рычанием трогается на свою первую самостоятельную прогулку...

И вот они летят по асфальтированному шоссе.

— Кто за тобой гонится, что ты так спешишь? — спрашивает жена.

— Кто спешит? Никто не спешит! — отвечает муж.

— Здесь знак «тридцать километров». Населенный пункт.

— Ну а я с какой скоростью двигаюсь?

— Пятьдесят делашь!

— Не пятьдесят, а сорок. Хорошо функционируем!

— Хорошо функционируем! — повторяет мальчик.

— Проверим-ка щетки! — говорит отец. Щетки работают нормально... Автомобиль летит по шоссе.

Водитель внезапно тормозит. Мальчик, просунувший голову между передними сиденьями, падает на спинку переднего сиденья.

— Подними антенну! — требует довольный эффектом отец, включая радиоприемник.

Мать выходит из машины и поднимает антенну.

— Если ее погнут, я тебе надеру уши, так и знай! — обращается отец к ребенку, пока мать усаживается на сиденье.

Автомобиль трогается. Из динамика слышится нелепый рекламный диалог:

Она. ...Пустили в продажу богатый выбор дералоновых ночных сорочек, комбинаций, трико и бюстгалтеров, причем с большой скидкой. Я спешу не упустить случая.

Он. Неужели? Но тогда и я куплю что-нибудь в подарок моей подруге! Правда, она очень капризна...

Она. Не беспокойтесь, коллега. Дералоновое белье не только долговоское и гигиеничное, оно удовлетворяет и самый изысканный вкус. Только не забудьте адрес магазина: улица Симеона, двадцать пять...

Белье из дералона
Появилось опять
На улице Симеона,
Дом двадцать пять!

Звучит джазовая музыка. Машина летит по шоссе и вскоре настигает «москвича».

— А ну-ка, обойдем этого «москвича», а! — восклицает отец, стараясь перекричать музыку.

— Не надо обгонять, ты же мне обещал! — просит мать.

— Обойди его, папа, обойди! — кричит мальчик.

Машина обгоняет «москвич».

— Так-то вот! — довольный произносит отец. — А еще чего желаете?

— Бузы! — говорит мальчик.

— Бузу будешь пить на водохранилище, — отвечает отец.

Музыку опять прерывает «полезный совет»:

— «Что надо сделать, — спрашивает нас радиослушатель Коста Ковачев из города Велинграда, — чтобы не жали ногу новые кожаные ботинки». Отвечаем: очень просто. Помажьте обувь мылом, и кожа станет мягче. Этот совет — для вас, товарищ Ковачев, и для всех, кто жалуется на новую обувь.

Громче звучит музыка. Машина летит по шоссе. Джазовые ритмы весело сливаются со стремительным мельканием деревьев по сторонам прямой асфальтированной дороги.

— Папа, посмотри, воды нет! — восклицает ребенок, показывая на стрелку водомера. — Ведь ты же говорил, что...

— Верно, черт возьми! — испуганно соглашается отец, взглянув на стрелку.

Он сворачивает в сторону и останавливается у ресторана, мимо которого только что проезжали. Выходит, поднимает копот мотора.

— Забыл-таки долить... — слышится его голос. — Я же говорил тебе!

— Слушай, — нервно отзывается жена. — Если ты хочешь испортить мне настроение, то надо было сказать об этом еще дома!

Ребенок выскакивает из машины и следует за отцом, который взяв бидончик, направился к ресторану. Мать остается в машине, достает из сумочки губную помаду, поворачивает зеркальце над лобовым стеклом и внимательно смотрит в него.

К машине подходит худенькая женщина в костюме мотоциклиста.

— Эмилия, ты ли это?.. Ты что, не узнаешь меня?

— О, Аннушка, а ты-то что здесь делаешь? — отвечает мать, выходя из машины.

Женщины обнимаются. Аннушка — с искренним удовольствием, мать — несколько искусственно.

— Сколько времени мы не виделись! Совсем забыли друг дружку. А помнишь, как давали обещание встречаться каждый год? — быстро и весело щебечет Аннушка.

— О да, действительно... — сдержанно отвечает мать.

— Знаешь, Пенка Добревская была у меня в гостях на Новый год... целую ночь не спали. Разбирали фотографии. Если бы ты знала, как мы смеялись!.. А Мария Стефановна...

— Какая Мария?

— Да Маришка же... Неужели забыла? Которая с Любчо гуляла.

— А-а-а! — неопределенно роняет мать.

— Она уже кандидат наук. А помнишь, с каким трудом сдавала экзамены?.. Ангелина сейчас на Кубе работает. Прислала мне открытку с «Салудос, амигос!»... А ты что делаешь?.. Пенка мне говорила, что муж у тебя большой начальник.

— Не такой уж большой! Начальник отдела.

— Все-таки... А вот у меня муж — лесничий!.. Тошо, иди сюда! Познакомься с моей другой по университету.

Тошо, нескладно скроенный здоровяк, приближается, ведя мотоцикл, к обеим женщинам. Знакомится. И сразу же начинает расспрашивать о машине:

— Сколько километров прошла?

— Еще и пятисот нет! — со знанием дела отвечает мать.

— Сколько литров жгет?

— Восемь.

— Да ну?.. Bravo!.. Обычно они больше глотают...

— Подожди же, Тошо!.. Что за человек, слова не даст сказать, — прерывает его супруга. — Говорю ему: Тошо, и чего ты держишься за этот Самоков? Весь лес твой порубили, даже кустика не оставили, а ты еще сидишь здесь! Так что адъё, София! Он в лесу пропадает, а я в музее работаю. Но каждое воскресенье ходим в театр. И мне интересно. Правда, с горсоветом ругаемся из-за денег, но... Посмотрела бы ты, как мы сумели реставрировать Джамию!..

— Ну а вы довольны автомобилем? — едва успевает спросить здоровяк Тошо.

— При переводе скоростей немного дергает, а в остальном... — отвечает мать.

— Мы тоже мечтаем, но... мы еще только на подступах к социализму. Для нас пока что предел «Ява», — говорит Аннушка, но голос ее заглушают треск мотоциклов и крик веселой компании, тронувшейся в путь. — Позвони как-нибудь!.. Звони в музей и...

— Непременно! — отвечает мать.

Аннушка уже взметнулась на заднее сиденье мотоцикла.

— До свиданья! — кричит Тошо.

— До свиданья! — с улыбкой прощается мать.

— Хорошо, что он у меня здоровенный — загораживает от ветра! — кричит в последний момент Аннушка и, смеясь, стучает мужа по спине.

Мотоцикл отъезжает. Мать смотрит им вслед. В ее взгляде тоска и зависть.

Ее нерадостные мысли прерывает голос ребенка:

— Мама, мама, посмотри, как я веду машину! Бр-р-р-р!

Мальчик, обогнав отца, сел на место шофера и делает вид, что крутит руль автомобиля.

...И снова все трое в пути. Радио передает какую-то музыку из оперетт.

Прогулка продолжается.

— Посмотри-ка на этот щепелин... Посмотри-ка, что он делает!

Слова отца относятся к смешному трехколесному чехословацкому автомобилю с корпусом, обтянутым брезентом, который движется перед ними и который заносит то влево, то вправо, будто он танцует.

Отец нервно сигналил, но трехколеска продолжает свой танец.

Отец раздражается еще больше.

— Тоже мне царь! — произносит он сквозь зубы и догоняет трехколесный автомобиль.

— Тоже мне царь! — повторяет мальчик.

— Для тебя что, правил не существует, а? — гневно кричит отец шоферу, обгоняя его.

— Для тебя правил не существует?! — повторяет мальчик.

И глупая гонка продолжается. Сейчас перед ними оказывается небольшая немецкая малолитражка.

— А ну-ка, проглоти и этого!

— Ведь ты же говорил, что не будешь! — говорит мать.

— Проглоти его, папа! — кричит мальчик.

— Это не машина, а «трабант»! К нему не относятся мои обещания. Пластмассовый. Зна-

ешь этот анекдот: «Один «трабант» встретил яйцо, и оно ему предложило: «Давай стукнемся!».

— Зачем? — спрашивает ребенок.

— Затем. Если не понимаешь...

— Как бы не так, не понимаю! А вот ты узнай, что это такое?

— Что?

— Вот это.

Мальчик приподнялся с заднего сиденья и, наклонившись к отцу, показал, о чем идет речь: он приставил один палец к носу, а остальные пальцы рук растопырил и стал шевелить ими.

— Прекрати глупости! — говорит отец. — Не толкай меня!

Машина приближается к «трабанту». Как всякий начинающий шофер, отец говорит сам себе:

— Сначала приближаемся вплотную к автомобилю, который хотим перегнать...

— Дай сигнал! — произносит мать.

— Обойдусь без твоих советов! — отвечает отец, но все-таки нажимает клаксон. — ...И когда поравняемся с моторным шасси...

Обгоняют «трабант».

— Проехали и эту мыльницу! — говорит отец.

— Проехали и эту мыльницу! — повторяет мальчик и добавляет: — Папа, а когда ты мне дашь поддержать руль, а?

— На обратном пути, — обещает отец.

Прогулка продолжается. В общем, события развиваются весело, но в этом веселье есть привкус чего-то неприятного. Например:

— Стоян, — заявляет мать, — ребенку плохо.

— Подумаешь! — отвечает отец не оборачиваясь. И продолжает вести машину.

А мальчику действительно плохо. Вся его веселость исчезла.

— Притормози немного! — повторяет через некоторое время мать. — Притормози, а то...

Отец неохотно тормозит... останавливает машину на обочине шоссе.

— Я так и знал! Брать с собой детей... — недовольно бурчит он и нервно барабанит пальцами по баранке.

Мать помогает ребенку выйти из машины. Мальчика топнит.

Наконец мать вытирает ему рот, и они снова садятся.

Прогулка продолжается.

Справа на шоссе виден остановившийся большой грузовик, а навстречу мчится автобус.

— Подожди! — кричит мать.

— Сказал тебе, обойдусь без советов, — отвечает отец и прибавляет газ, чтобы успеть обогнать стоящий грузовик до того, как к нему подойдет автобус.

Но когда машина пролетела мимо грузовика, оказалось, что впереди, на некотором расстоянии на обочине, стоит еще один такой же грузовик. И машина будто попав в капкан, вынуждена была остановиться между двумя грузовиками.

Движущийся навстречу автобус тормозит.

— Сейчас произойдет дуэль с крепкими словечками, — произносит отец испуганно, но с наигранной веселостью.

С грохотом автобус приближается к провинившейся легковой машине, постепенно сбавляет скорость, пока наконец не останавливается. Из окна кабины показывается человек гигант-

ского телосложения. Неожиданно он лишь с укоризной говорит:

— Нельзя так, товарищ!

И автобус трогается дальше...

Отец делает кислую гримасу. Но в этот момент ребенок подсакивает на заднем сиденье.

— Дядя Георгий-й-й-й! Дядя Георгий-й!

Он быстро опускает стекло, кричит, машет рукой.

На миг в окне автобуса, над табличкой «Кремиковцы», виден молодой мужчина, который также машет рукой в сторону ребенка.

— Что ты бредишь? Какой еще дядя? — спрашивает мать.

— Дядя Георгий был там! — взволнованно говорит мальчик. — Это он был! Папа, останови же! Дай, я с ним поеду! Он обещал меня взять на матч.

Странной подчас бывает логика детей.

— Зачем останавливаться! — восклицает мать. — Что ты выдумываешь! Из-за тебя мы поехали на прогулку, а ты!..

— Да-а, из-за меня! — тянет сын, глядя через заднее стекло на удаляющийся автобус.

— Я же говорил, что не надо его брать! — подхватывает отец.

А ребенок только того и ждал.

— Ах вот оно что! — говорит он и обиженно откидывается на спинку сиденья.

Автомашина продолжает свой путь. Вдруг ее с ревом обгоняет другая, более мощная, которую отец сначала не заметил.

— Кто опять повернул зеркальце? Это опять ты сделал? Ты? — спрашивает он мальчика.

— Да нет, не я! — оправдывается ребенок.

И только после минутного колебания мать признается:

— Это, наверно, я его сдвинула.

Но отец не верит ее словам.

— Как будто бы я не знаю кто! — говорит он, поправляя зеркальце.

И прогулка продолжается. Настроение опять у всех улучшается.

— Ну как дела? — спрашивает отец. — Слово имеет Эмилия Стамова. Приготовиться Ваньа Стамову.

— Хочу бузы! — говорит ребенок.

— Отстань со своей бузой, — обрывает его мать.

— Бузу потом. Ведь ты же пил лимонад, — утешает его отец.

— А я хочу бузы! — хнычет мальчик.

Отец нагибается и протягивает матери термос.

— Дай ему, пусть заткнется! Мне уже осточертело это!

Мать открывает термос, и буза, начавшая бродить от жары и тряски, бьет фонтаном, заливая обивку.

Это уж слишком! Отец останавливает машину.

— Ах ты поросенок! На тебе бузу! На! — бьет он ребенка по щеке. — Ты видишь, что получилось из-за тебя? Поросенок! — Звучит вторая пощечина. — Как мы теперь будем чистить? Новые чехлы?..

...И вот они остановились около чешмы, вытащили из машины передние сиденья, и все троим — отец, мать и сын — усиленно отмывают следы бузы.

И снова прогулка продолжается.

— Как себя чувствуете, пассажиры? — спрашивает, не отрывая глаз от дороги, отец.

— Хорошо! — весело отвечает мальчик.

Странно! Его постоянно ругают, а ему хорошо?!

Машина проносится мимо домов, тополей, путевых знаков и вскоре въезжает в какое-то село.

И вдруг стоящий около мотоцикла с коляской милиционер делает знак остановиться.

— Не хватало еще этого! — ворчит отец и тормозит.

— Почему? За какое нарушение? — спрашивает его жена.

— Никакого нарушения я не сделал! — испуганно говорит он.

Милиционер приближается. Отец опустил стекло.

Неестественно шутливым тоном спрашивает:

— В чем дело, товарищ?

— Документы на машину, пожалуйста, — строго требует милиционер.

Отец протягивает документы.

— Водительские права?

— Все в порядке, — говорит отец, подавая права.

— Сейчас увидим, в порядке ли, — говорит милиционер, просматривая права, и добавляет: — Давай проверим, товарищ водитель, сможешь ли ты догадаться, какое нарушение допустил.

— Игра в загадки? Я ничего не нарушал! — еще пытается шутить отец.

— Ах, говоришь «ничего»? А машину, что сейчас вон там остановилась, кто обогнал?

— Э-э... Ну и что?

— На этот вопрос ты сам ответь!.. Что полагается делать при обгоне?

— Давать сигнал гудком. Так я дал сигнал.

— А еще что надо было сделать?

— Мигалка...

— Ага, знаешь.

— Но я думаю, что сигналил...

— Думаешь... А сам не сигналил. Я ведь видел. Дай-ка левый свет! — Милиционер становится впереди машины.

Отец, выполняя его приказ, включает мигалку.

— А теперь правый!.. Так.

— Исправные, как видишь, — говорит отец, не скрывая радости.

— Вот это-то и плохо, что мигалки исправны, а ты не пользуешься ими, — выговаривает милиционер. — Что с тобой теперь делать, а? — Читает права. — А, Стоян? Как ты себя чувствуешь, если мы пометим тебе один штрафной талон?

— Плохо... — Отец пытается умиловить милиционера: — Конечно, если вы хотите испортить людям воскресенье... Человек решил вывезти своего ребенка на свежий воздух... На служебной машине нельзя, купил собственную... и опять неприятности.

Но милиционер как будто его не слышит, он уже вытащил из кармана химический карандаш.

— Но за что вы будете писать? — вмешивается сидящая на заднем сиденье мать. — За одну мигалку!..

— А знаете, сколько из-за этого бывает катастроф, дамочка? — поясняет ей милиционер.

— Оставь его! Если хочет писать, пусть пишет! — прерывает ее отец.

Чувство собственного достоинства не позволяет ему унижаться.

— Но за что же тебе будут вписывать нарушение? — повышает голос мать. — Впервые вы-

езжаем на прогулку и... Вот и ребенка напугали!..

Мальчик действительно заплакал. Милиционер заколебался. Потом спрятал карандаш в карман и вернул отцу права.

— Ладно... Но в следующий раз... За мигалку и талон могу оторвать.

— Понятно!

Отец торопливо включает зажигание. Мотор начинает работать, но тут же останавливается. Отец, нервничая, снова включает стартер, но мотор не заводится. Лишь после третьего раза машина, вздрогнув, трогается.

Отец и мать с облегчением вздыхают. Настроение снова поднимается.

— Из-за такой мелочи! — говорит отец сквозь смех.

— Почему ты не сказал, кто ты? — развеселившись, спрашивает мать.

— Пробовал, — отвечает отец, — но он не понял намека. — И, обращаясь к ребенку, добавляет: — Bravo, Вань, ты спас положение! Ха-ха!

Мальчик улыбается, ошарашенный похвалой.

...И вот наконец после стольких приключений они добираются до намеченного места. Перед ними простирается спокойная гладь водохранилища с лодками на нем, с автомашинами и мотоциклами, стоящими в тени деревьев, и с группами отдыхающих на берегах.

— Сейчас начинаем пикник! — говорит отец и останавливает машину.

Мы видим издали, как распахиваются дверцы машины и выходят родители. Отец открывает

багажник, вынимает сумки и сетки. Мать берет одеяла.

— Удочек нет,— слышится голос мальчика с заднего сиденья.

— Поищи! Там они...— утверждает отец.

Вместе с матерью он направляется к избранному ими для отдыха местечку. Мать вытаскивает из сумок припасы. Отец снимает сорочку и остается в майке.

— Огурцы забыли! — сокрушается мать и машинально бросает взгляд в сторону оставленной машины. Вдруг на лице ее появляется ужас.

— Ребенок, Стоян!

Отец поднимает голову. И тоже замирает в оцепенении.

Машина с раскрытыми дверцами сама катится задним ходом под горку! Отец забыл поставить ее на ручной тормоз, и сейчас, подпрыгивая на неровностях склона, автомобиль постепенно набирает скорость.

— Ребенок мой-й-й! — кричит мать.

Отец, точно окаменевший, бессильно сжимает кулаки.

А машина все набирает скорость. Она будто нарочно избегает кустов и скачет по камням.

Мать в обмороке падает на руки отца.

И в эту минуту за своей спиной родители слышат детский голос:

— Папа!

Оба оборачиваются.

Из-за куста, в нескольких шагах от них, показался их мальчик, который, видно, за надобностью вылез из машины, потому что штанишки его еще расстегнуты.

— Папа, машина сама поехала! — радуется он.

И слезы сразу же высыхают, в глазах родителей светится счастье. Мать бросается к ребенку, не видит уже машины, не слышит за спиной треска, с которым она стучается о дерево. Отец также глубоко взволнован. До машины ли ему! Он держит на руках сына, оба обнимают его, целуют в порыве глубокой любви, которая так наглядно проявилась при мысли о его возможной гибели.

...Но радость царит недолго... Помятая, стучащая машина медленно возвращается в город. Настроение обоих супругов совсем некудышное. Они молчат. С ревом обгоняют их другие автомобили — «москвичи», «вартбурги», «трабанты», «Волги».

...Остановка у знакомых нам ворот дома томительна и унизительна для участников поездки. Все трое выходят из автомобиля. Уже знакомые нам дети окружают машину. Слышатся возгласы:

— Mamochka!.. Что случилось?..

— В гармошку сплющилась!

Группа молодых людей в пестрых рубашках, проходя мимо, останавливается. Начинаются комментарии:

— «Она танцует только одно лето!»

— Форма ее совсем абстрактна!

— Холодная завивка!

Отец едва сдерживает гнев.

— Во что же она превратилась, начальство... — вздыхает рядом с ним второй сосед.

Отец только машет рукой.

— А что же все-таки произошло, а?

— Один грузовик, — лжет отец, — задним ходом...

Но в этот момент его уличает во лжи сын, который не слышал его слов и радуется, что может дать разъяснения:

— Мы забыли поставить ее на ручной тормоз, и она... бам!.. врезалась в дерево!

Обозленный отец замахивается, намереваясь ударить сына, но, передумав, только грубо отталкивает его. Вот и выяснилось, как недолго длилась его родительская нежность!

— Ладно, ладно, иди играй!

Но с кем играть, если вернулись сразу же после обеда и все товарищи сейчас или отдыхают, или пошли куда-нибудь с родителями?

Улочка, на которой возвышаются эти новые многоэтажные дома, совсем безлюдна. Единственное, что может сделать наш приятель, — повертеться вокруг цилиндрической афишной будки.

Первый эпизод фильма завершился.

На экране крупно: лицо ребенка. Вступает главная мелодия музыкального сопровождения и голос диктора:

— А сейчас, когда у вас нет машины-ы-ы?

— Э, папа сказал, что отремонтирует и она станет как новая!

— Твой отец!..

Говорит диктор тоном, который означает «как бы не так»... Но его прерывает мальчик:

— Что?.. Он не виноват!

— Нет, конечно. Только, знаешь ли, что я думаю? Все эти «вартбурги», «Волги», «москвичи», «шкоды», «фольксвагены» — хорошая вещь... Но нет ли чего-нибудь другого, более хорошего, более ценного, более...

— «Мерседес 209», — прерывает его мысль ребенок.

— Ясно, — говорит диктор. — Я совсем забыл, что ты знаешь все марки... Ну а сейчас что ты будешь делать, когда все твои товарищи ушли?

— Подумаешь, большое дело! Я могу и один играть.

И ребенок действительно пытается играть один, читая задом наперед афиши на будке. Но это занятие не очень увлекает его, и вскоре он под музыку удаляется от нас, шагая по асфальту, маленький и одинокий, среди высоких зданий нового жилого квартала.

То, что следует дальше, похоже на пеструю интермедию, состоящую из сценок каждого дня Ваньо, сопровождаемую музыкальными мотивами и отдельными комментариями диктора. Можно увидеть нашего героя, как он водит смычком по струнам маленькой скрипки, издающей визгливые звуки. А вот он вынимает из холодильника кошку, над которой проделяет какие-то эксперименты. Можно наблюдать его бегущим к телефону и слышать, как он кричит в трубку:

— Дядя Георгий, это ты?

Но нет, это, оказывается, не дядя.

Вот он читает «Дон-Кихота», лежа на ковре. А вот отец вырезает ему из картона рыцарские доспехи. Можно увидеть, как он показывает свои мускулы девочке, явно ему не безразличной. Эти веселые сценки, которые дополняют наши сведения о герое фильма, незаметно вводят нас в следующий эпизод.

Из подъезда своего дома герой выходит одетым в картонные рыцарские доспехи, с деревянным мечом в руке. На плече у него приколотая пятиконечная звездочка. Он размахивает

мечом, словно дерется на дуэли. Потом любуется собой, смотрясь в стекло входной двери.

На экране крупно: мальчик в картонных латах.

Диктор ведет с ним задушевный диалог:

— А кто ты сейчас?

— Д'Артаньян!

— Мне ты кажешься больше похожим на Дон-Кихота.

— Я и Дон-Кихот!.. Мы его с папой читаем.

— А-а-а!.. А он с картинками?

— Да. Но я их заклеил.

— Это зачем же?

— Чтобы их не видеть. Они очень печальные.

— Разве?

— А мушкетеры веселые... Ох как они выступают против кардинала!

— Против кого?

— Против кардинала. Неужели ты не знаешь?

— Конечно, знаю. Как не знать!

— И папа говорит, что мы, рыцари, должны бороться против плохих людей и защищать более слабых.

— Но ведь Дон-Кихоту иногда попадает, а?

— Только от ветряных мельниц.

— Так, значит, ветряные мельницы самые опасные?

— Да, но я всегда побеждаю.

— А та девочка, которая была здесь недавно?

— Какая?

— Та, которой ты показывал свои мускулы.

— А-а-а-а!..

Диалог прерывается, потому что Эмбо, один из друзей Ваньо, выскочил из-за угла с бухан-

кой хлеба в руках. Он также вооружен. Оба рыцаря скрещивают мечи, произнося торжественную формулу:

— «Откуда бы ни пришел, начнем!»

— «В доспехах, с копьём и мечом!»

После этого начинается обыденный разговор.

— Где Слава?

— Наверно, его не пускают.

Оба свистят, положив пальцы в рот, и кричат под балконом, где живет их друг.

Но Славчо, оказывается, уже бежит по лестнице и вскоре выскакивает из подъезда — также с мечом.

— Эй, ты! Чего опаздываешь?

— Да у меня бабушка приехала с последним поездом...

— «Откуда бы ни пришел, начнем!» — повторяет Ваньо пароль.

Но Славчо думает, что речь идет о его бабушке.

— Из Павликени, — машинально отвечает он. И только потом, видя насмешливые взгляды друзей, поправляется: — «В доспехах, с копьём и мечом!»

Пароль принят, и все трое отправляются в путь... на подвиги.

Вот они входят в какой-то тесный двор, где четверо мальчишек более старшего возраста играют в карты. Наш мальчик приближается к ним и произносит с достоинством:

— Благородные рыцари, хотя я и не имею чести вас знать...

— А ну катись отсюда! — говорит один из «рыцарей» и, зажмурившись от дыма зажатой меж зубов сигареты, почти не видя мальчика, толкает его.

Все трое смущенно отступают, но это не позорное отступление...

...А вот они галопом скачут по тротуару, размахивая мечами, подставляя свои щиты под удары несуществующих врагов.

— А, подлые изменники, сейчас мы вам покажем!..

...Немного погодя они уже залезли на кучу металлолома и смотрят в одном направлении, сделав из своих ладоней козырьки над глазами.

— Дружище Санчо, кто это там, вдали, поднимает пыль? — спрашивает с пафосом мальчик.

— Это моя мама! — испуганно вскрикивает «Санчо»-Славчо и стремглав убегает...

...Теперь осталось только два рыцаря — Ваньо и Эмбо, причем последний, судя по всему, рыцарь более низкого ранга. Мы издали видим, как они о чем-то разговаривают, после чего наш маленький герой приближается к подъезду одного из домов и нажимает кнопку звонка.

На втором этаже широко растворяется окно, и из него показывается девятилетняя девочка с длинными косичками. Начинается застенчивый, сентиментальный разговор. Хотя мы и далеко стоим от обоих, но их слова слышим совсем ясно, как будто бы они произносятся над нашим ухом:

— Это ты звонишь?

— Я... Что делаешь?

— Занимаюсь.

— Чем?

— Английским.

— Гуд монинг, да?

— Гуд монинг.

— Гулять не пойдешь?

Пауза, во время которой она бросает ему бумажного голубя. Мальчик, скованный в движениях своими доспехами, с трудом поднимает голубя с земли.

— Куда ты ходила вчера вечером? — спрашивает он.

— А ты откуда знаешь?

— Видел тебя, когда ты выходила со своими.

— И я тебя видела. А ты почему спрятался?

— Так... Значит, ты не выйдешь?

— Сейчас не могу. Ты куда направляешься?

— Да куда!

Он неопределенно размахивает руками, чтобы показать, что гуляет без всякой цели. От этих движений один из его картонных нарукавников соскальзывает и, упав, подскакивает на тротуаре. Он нагибается, поднимает нарукавник и с достоинством снова надевает его на руку.

— Я больше не буду тебя дразнить «цыф», — обещает он.

— Почему?

— Потому что это нехорошо...

— А это ты писал?

— Что?

Девочка еще больше высовывается из окна и показывает на кусок стены внизу.

И мы видим, что на стене у самого входа мелом написано: «Розамунда».

— Нет, — отрицает мальчик. — Так ты не выйдешь?..

Мы удаляемся еще дальше и все яснее чувствуем среднеково-романтический характер сцены: он в доспехах под окном, а она наверху, с косичками, свисающими из окна...

...И вдруг оба рыцаря опять как бешенные прыгают по тротуару, ударяют своими мечами по стволам деревьев и электрическим столбам.
— Гадкие фашисты! Мы сейчас вам дадим...

...А вот теперь, уставшие от подвигов, они направляются домой. Но по дороге их ждет еще один подвиг. На тротуаре, на другой стороне улицы, три маленькие девочки считаются, кому водить. «Ени-ки, вени-ки, ели вареники...» Как вдруг несколько мальчиков их возраста вмешиваются в игру, дергают их за косички, передразнивают: «Е-ни-ки, вени-ки...»

Девочки сквозь слезы кричат:

— Дураки! Не мешайте нам!

— А еще называетесь пионерами!.. Вот скажем вашей классной руководительнице...

— Ма-ма-а-а!

Но мальчишки не отходят, продолжают к ним приставать.

Одна из девочек вцепилась в мальчика, который отобрал у нее ленточку.

— Отдай, иначе я!..

— Что «иначе»? — спрашивает тот, выкручивая ей руку. — Скажи «пожалуйста»!

Этого не может больше вынести наш рыцарь. Мальчик бежит, хватая своего обидчика за локоть.

— Ты почему обижаешь слабых?

Тот отпускает девочку и обращается к своим друзьям:

— Кто он такой?

— Эй, малыш, — говорит нашему знакомому один из компании, — катись отсюда со своим картонажем!

— Как упаковался! Чего он хочет, а? — спрашивает тот, к которому подбежал мальчик, и первым наносит ему удар. — Кто его звал?

Наш ребенок дерется смело, но ведь он один против нескольких... Вскоре шлем его отлетает в сторону, подставленная ножка валит его на землю. Девочки кричат:

— Товарищ Стамова, вашего Ваньку бьют!

— Ма-ма-а-а!

И хотя наш рыцарь явно проигрывает сражение, бой продолжается. Он дрыгает ногами, размахивает руками, но численно превосходящий его неприятель ломает «броню», а самого прижимает к земле.

— Будешь еще драться, а?

— Проси пощады!

Маленький рыцарь стискивает зубы.

— Не буду просить!

И в этот момент приходит спасение. Девочки, из-за которых все началось, в один голос, радостно кричат:

— Товарищ Кирилова!.. Товарищ Кирилова, скорей!

Услышав это имя, враги отпускают рыцаря и разбегаются. Мальчик поднимается. Он морщится, трет коленки, но не плачет.

«Товарищ Кирилова», молодая приятная женщина, классная руководительница в их школе, приближается к полю сражения.

— Товарищ Кирилова, я их знаю. Они из 3-го «Б»! — сообщает ей одна из девочек.

— А я им все-таки дал! — гордо говорит наш мальчик. — Однако здорово стукнул.

Учительница улыбается. Ей весело от его хвастовства.

— А кто первый начал? — спрашивает она.

— Я! — с гордостью признается мальчик.

— Зачем? — спрашивает учительница, вытирая ему платком нос.

— Так просто, — отвечает он. Ему неудобно объяснять ей, как все произошло.

— Ну тогда тебе достанется, — говорит учительница. — Я как раз шла к вам. Отец твой дома?

Мальчик утвердительно кивает головой.

— Тогда пойдем, — предлагает учительница.

И вся группа трогается.

— Но он не виноват! — вмешивается в разговор Эмбо.

— Они его первые ударили! — подтверждают девочки. — А сами теперь прячутся!

— Хорошо, выясним, — говорит учительница.

В кадре панорама: учительница, окруженная детьми, идет к знакомому нам дому.

— А вы почему теперь у нас не классный руководитель? — спрашивают ее дети.

— Потому что вы меня огорчали, — шутя отвечает она.

Группа достигает дома, где живет наш мальчик. Вместе с учительницей он входит в подъезд, а другие дети остаются во дворе.

— Но ведь он действительно не виноват! — еще раз повторяет одна из девочек.

— Хорошо, хорошо! — успокаивает их учительница. — Я по другому делу иду к ним.

Но наш герой явно не верит ее словам.

...В молчании оба поднимаются по лестнице. Звонят.

Дверь открывает мать.

— О, товарищ Кирилова, заходите, пожалуйста!

— Ваш муж сейчас дома? — спрашивает учительница. — Извините, что я опять... Мне надо ему сказать несколько слов...

— Да-да... Входите.

Мать вместе с мальчиком уходит.

Войдя на кухню, Ваньё останавливается посредине и застывает.

— Опять они тебя били! — говорит, входя за ним, мать. — Прекращай эти глупости. Брошу я все эти твои доспехи в печьку!..

— Бросишь... Как бы не так... — говорит мальчик, освобождаясь от картонных лат и подходя к умывальнику.

Входит отец.

— Ты не видела эту копию там? — спрашивает он мать.

— Нет, — отвечает она.

— Но я ведь ничего с ним не сделал. Копье на балконе! — доносится из-под крана голос мальчика.

— Что-что? — удивляется отец, но через минуту догадывается: — Не твое копье, а копию документа...

Уходит, оставив сына в недоумении. Ребенок быстро вытирается. Выбегает из кухни, подходит к застекленной двери гостиной и начинает подслушивать разговор, происходящий между учительницей и его отцом.

— Нашлась эта копия. Но, согласитесь, когда это не входит в мою компетенцию... Формально у меня нет никаких оснований заниматься вашим вопросом...

Мы следим, как этот диалог отражается на лице мальчика, четко вырисовывающемся на матовом стекле. Значит, речь идет не о его подвигах! Разговор касается чего-то другого! Мы не видим ни отца, ни учительницу, но до нас доносится разговор из гостиной. Она что-то настойчиво доказывает. Время от времени ее прерывает голос отца, равнодушно-усталый.

— Но меня не интересуют формальности! Я добиваюсь своего права. Нельзя опытного учителя без причин перемещать с одного места на другое...

— Без причин, говорите вы... Между тем этот случай расследовали!

— Как раз не расследовали! Именно расследования я и добиваюсь!

— Можно и без этого обойтись! Не обязательно по всякому пустяку назначать комиссию. Достаточно ограничиться докладной запиской. У инспектора могут быть свои основания...

— Какие там основания!.. Все его основания сводятся к тому, что надо было найти место для чьего-то родственника. Потому что...

— Э-э-э, товарищ Кирилова! Вот этими словами вы сами показываете, что в обвинениях против вас есть доля правды. Вы так говорите, что...

— А как же мне говорить? Я всю свою жизнь отдала детям! За два дня до этого директор сказал мне: «Кирилова, скоро с тебя будет причитаться. Насколько мне известно, для тебя готовят орден Кирилла и Мефодия!»

В голосе учительницы слышны слезы. И мы видим, что и мальчик за матовым стеклом двери глотает слезы. Ведь он никогда не слышал, чтобы их учительница говорила так взволнованно. Он также не может понять, почему его отец, тот, кто учил его рыцарству, разговаривает таким холодным тоном с женщиной, просящей помощи. А голос учительницы продолжает:

— И вопрос не только во мне. Он касается принципа! Если никто не осмеливается открыто защищать справедливость... вы можете...

— В том-то и дело, что не могу. Очень сожалею, но не могу. Не заставляйте меня сейчас...

— Не буду вас заставлять. Прощайте. Сожалею, что отняла у вас время. Я думала, что вы из тех людей, которые... Видно, я ошиблась.

— Э! Вот сейчас вы и меня обижаете!.. Поимите же, что, если вы даже субъективно правы, есть какие-то вещи, которые трудно бывает исправить... Жизнь сложна. Она полна мелких неурядиц... И если человек будет заниматься ими, то... Неужели вам не ясно?

— Все ясно. До свиданья, товарищ Стамов.

— Очень сожалею... Еще раз говорю вам, что...

Голоса приближаются к стеклянной двери, и мальчик отбегает. Вот мы видим его на кухне, сидящим за столом, подперев голову кулачком. Он сердит. Отец входит на кухню.

— Что случилось? — спрашивает его мать.

— Что может случиться! — отвечает он с кислой гримасой.

— И ты ничего для нее не можешь сделать?

— А что я могу сделать?

— Но ведь учительница-то права, — говорит мать.

— Господи, ну и странная же ты женщина! И я знаю, что она права! — вспыхивает отец. — Ну и что из этого? Из-за нее я должен испортить отношения с некоторыми людьми? Довольно донкихотства!.. Мерси!

При этих словах сын срывается с места и пытается прошмыгнуть между родителями. Отец хватает его за локоть, но он вырывается и убегает в гостиную. Его латы цепляются за ручку двери, он их срывает с себя и захлопывает за собой дверь.

— Что стряслось с этим ребенком? — спрашивает отец.

— Опять его били, — говорит мать.

Отец входит в гостиную. Мальчик стоит спиной к нему. Отец пытается его утешить, пробует взять латы, которые мальчик держит в руке.

— Сломались? — спрашивает он, не поняв, что происходит в душе сына. — Давай посмотрим! — Слегка применив силу, он забирает доспехи из рук ребенка. — Э-э-э! Большое дело! Не так уж сильно и повреждены-то!.. Заклеим в два счета! О, а это что за значок ты прикрепил?!.. Откуда он у тебя?

— Отдай, — огрызается ребенок и вырывает звездочку из рук отца.

Слезы текут по его щекам.

— Ну чего ты сердиться на меня? — допытывается отец. — Посмотри-ка, посмотри!.. Вот увидишь, как все хорошо получится! Наложим сейчас заплату на это место — и латы твои станут еще красивее!

Но наш герой бросается к отцу, вырывает латы, выскакивает на балкон, где сложены и другие его рыцарские доспехи, и с яростью бросает все вниз, на улицу, — латы, щит, колье, меч и... книгу, страницы которой разлетаются во все стороны. А закончив этот разгром, он опирается подбородком о перила балкона и замирает.

Звучит музыка. Диктор снова начинает разговор с мальчиком...

— Что ты делаешь?.. Что ты делаешь?.. Ну что ты наделал?.. Веселое дело!.. Зачем ты их выбросил?

— Так!

— «Так» — это не ответ.

— А он почему так сделал?

— Когда подрастешь, то поймешь.

— Нет, не пойму!

— Ну а если не поймешь, тем лучше... Давай, давай, беги скорей, собирай свое оружие... Где ты видел, чтобы рыцарь бросал свой меч!

— Нет! Не нужно мне больше оружие! Я не буду больше играть в рыцарей!

— Значит, это было только игрой? А я-то поверил, что ты настоящий рыцарь... Беги, собирай свои доспехи... Ведь у того, кто бросает оружие, это оружие тотчас же у него отбирают... Да вот, посмотри!

И действительно, на улице появляются мальчишки, те самые, с которыми наш рыцарь сражался. Они спешат забрать выброшенные доспехи.

Это мгновенно меняет настроение Ваньо.

— Эй! Оставьте! Сейчас же оставьте! Они не ваши! — кричит он с балкона.

— А если они твои, зачем ты их бросаешь? — отвечают ему снизу.

— Не трогайте мои вещи! — требует он и, чувствуя свою беспомощность, начинает плевать на своих противников. — Слава! Эмбо! На помощь!

В сопровождении основного музыкального лейтмотива начинается вторая интермедия фильма... Трагедия с доспехами уже забыта.

...Ваньо и его отец рассматривают слона в зоопарке. А вот сейчас он играет на скрипке, а чтобы время шло быстрее незаметно переводит стрелки часов. А вот мальчик уже бежит на ро-

ликовых коньках по асфальту улицы. Теперь он берет зубную щетку, но, вместо того чтобы почистить зубы, лишь мочит ее и кладет на место. Услышав звонок, бежит к телефону, но опять оказывается, что звонит другой человек, а не его дядя. Вот он, наряженный Маленьким Муком, участвует в школьном вечере. А вот на улице со своим детским велосипедом.

Все друзья Ваню становятся в очередь, чтобы прокатиться... Но это уже начало третьего эпизода фильма.

— Вань-о-о!

— Чего, мам?

— Не давай никому велосипед! — наказывает мать, одетая по-праздничному.

— Но мы его учим! — хором отвечают дети.

— Они меня учат! — подтверждает мальчик.

— Учат? — не верит мать. — А ну иди-ка сюда!

Мальчик выпускает из рук велосипед, и на него тотчас же садится один из приятелей и исчезает за углом.

— Зачем ты меня звала? — нетерпеливо спрашивает он, подходя к матери.

— Будь здесь все время! Никуда далеко не уходи, понял?.. Посмотри, на кого ты похож! — Она поправляет одежду на сыне и целует его в лоб.

— Ладно, ладно! — отвечает мальчик.

Он не хочет, чтобы другие видели эти нежности. Вырывается из рук матери и снова бежит к детям.

Славчо говорит ему:

— Потом мне! Ведь я же давал тебе ежика!

— Хорошо! Всем дам. И тебе, если хочешь.

Последние слова адресованы плохо одетому мальчику, худенькому, с острым носом.

— Он из другого квартала! — протестуют мальчишки.

— А мне тоже очень хочется, — говорит чужак.

— Он не умеет кататься, — замечает одна из девочек.

Чужак делает презрительную мину и смотрит на Эмбо, который привел его сюда.

— Скажи им!

— У него отец йог, — говорит Эмбо. — Какие он номера выкидывал! Покажи им, Пиноккио!

Тот делает невиданные ребятами упражнения: переплетает свои руки, шевелит ими примерно так, как это делают лапками мухи, чистя крылышки, а потом продевает сквозь руки свою голову.

Дети пытаются повторить упражнения, но у них не получается.

— Он может и не дышать! — говорит Эмбо тоном импрессарио.

— Да ну?!

Пиноккио не заставляет себя долго упрашивать. Он два-три раза глубоко вдыхает воздух, потом зажимает пальцами нос, сжимает губы и стоит неподвижно. В напряженном молчании раздается тихий голос одного мальчика:

— А я шевелить ушами могу.

И он действительно шевелит ушами, но никто не обращает на него внимания. Все смотрят на того, кто «может не дышать».

А тот лишь покраснел, его нос еще больше заострился от долгого отсутствия притока кислорода. Наконец он вдыхает воздух. В этот момент с тротуара на другой стороне улицы слышится голос девочки:

— Он сломал его! Сломал его!

Дети оборачиваются. Видят, как к ним плетется мальчик, уехавший на велосипеде Ваньо. Он прихрамывает, одной рукой ведет за руль велосипеда, а в другой держит порванную цепь, которая волочится по земле. Вид у мальчика жалкий.

— Так уж вот получилось...— говорит он окаменевшему от горя и ужаса владельцу велосипеда.

Все окружают пострадавший велосипед.

— Вы видите, что он наделал! — со слезами в голосе восклицает Ваньо. — Теперь ты мне купишь новый! — И вдруг видит, что ребята все потихоньку расходятся, боясь, как бы и им не пришлось отвечать за случившееся.

Так вот какова их дружба и благодарность! Рядом остался только один Пиноккио, мальчик из другого квартала. Нагнувшись, он пытается надеть цепь.

— Ничего не выходит, — говорит он. — Если хочешь, я поведу тебя в наш квартал, там тебе исправят его...

— А деньги?

— Мой товарищ там работает. Скажу ему, и...

— А далеко это?

Пиноккио жестом показывает, что не очень... И вот они идут по тротуару рядом с трамвайной линией. Забыто предупреждение матери.

— Меня зовут Ваньо Стамовым, — говорит мальчик. — А тебя?

— Коце, — отвечает Пиноккио. И тут же поправляется: — Константином Велчевым.

— Как так — Велчев! Значит, твой отец не йог?

— Йог! — говорит Пиноккио.

— И что он может делать?

— Все. Только сейчас он болен.

— Он он ведь йог?.. Почему же он заболел?

— Он йог, но его заколдовали, и он заболел почками.

— А-а-а! — понимающе кивает мальчик и после некоторого молчания опять спрашивает: — А какие они, йог?

— Такие, — отвечает Пиноккио. — Собирают и делают упражнения. Около реки Ганга.

— Значит, они гангстеры?

Пиноккио снисходительно смотрит на него.

— Гангстеры бывают в Америке. — Делает движения, будто стреляет из автоматического пистолета: — Та-та-та-та... Ты читал Эдгара Уоллеса?

Наш мальчик отрицательно качает головой.

— Ничего, значит, ты не читал! Знаешь, что это такое? Примерно как Аввакум Захов, только интереснее.

— Ну!

— Вот тебе и ну! — Мысль Пиноккио вдруг переключается на другое. — На нашу улицу приходит одна шпионка, — говорит он небрежно.

— Какая шпионка? — широко раскрывает глаза наш герой.

— А может быть, и просто воровка. Известно еще. Но мы за ней следим.

— А как вы это узнали?

— Да по всему было видно, — отвечает Пиноккио.

Вдруг внимание его привлекает витрина какого-то парикмахерского салона, за которой видна голова женщины, вставленная в огромный шлем для сушки волос.

— Посмотри! Ну настоящая Валентина Терешкова. — произносит он и начинает размахивать

вать руками, изображая полет ракеты.— Ж-ж-ж-ж!

— Ж-ж-ж-ж-ж! — повторяет за ним и наш мальчик.

И оба припускаются бежать «с космической скоростью», лавируя между прохожими. Неприятная история с велосипедом, кажется, временно забытой...

Постепенно, вместе с ребятами, мы все больше углубляемся в центр города...

Идут они вдоль трамвайной линии. Пиноккио вынимает из кармана гвоздь.

— Сейчас смотри! — говорит он и кладет гвоздь на трамвайный рельс.

Как только проходит трамвай, наш герой первым бежит и поднимает расплющенный гвоздь, но тотчас же выпускает его из рук, обжегшись о раскаленное железо. Пиноккио смеется и осторожно берет гвоздь за головку.

— Отвертка. Электрическая. Все исправляет! — говорит он.

— Да ну? — не верит его новый приятель.

— Ничего-то ты не понимаешь! — небрежно бросает Пиноккио.

— Нет, понимаю! У меня дядя инженер, если ты хочешь знать! — пробует восстановить свой авторитет мальчик.

— Подумаешь! — отвечает Пиноккио и протягивает ему отвертку. — На, если хочешь!

Мальчик мнетя, но утвердительно кивает головой.

— Бери! — говорит Пиноккио. — А теперь пойдем исправлять цепь!

— Пойдем, — оживает мальчик.

— Чарли Чаплин однажды положил свои часы под большой молот, и они расплющились во-от в такое колесо! — рассказывает Пинок-

кио, широко расставив руки. — Ох какие большие стали! А потом, когда он сел в одну машину и не мог вылезти...

Оба идут по тротуару, и Пиноккио оживленно пересказывает фильм:

— ...И тогда ему на голову упала доска!

Он показывает, как Чаплин завертелся на каблуках и упал на землю.

— А далеко еще идти? — прерывает его мальчик.

— Еще немного, — отвечает Пиноккио и входит в телефонную будку, ударяет кулаком по аппарату, залезает пальцем в отсек, куда падают монеты, когда абонент бывает занят, и выходит из будки.

— Этот аппарат всегда выбрасывает, — говорит он, показывая две монетки.

Вскоре Пиноккио бросает их в автомат с газированной водой. Оба, довольные, пьют воду...

...Мы видим, как ребята весело болтают, проходя мимо бетономешалки, но из-за ее грохота не слышим, о чем они говорят.

— Это наша улица, — замечает Пиноккио. — Сейчас придем. Как только скажу ему...

...Он берет цепь и направляется к ближайшей ремонтной мастерской металлоизделий. Видно, как он о чем-то просит рабочего, но тот жестом прогоняет его. Пиноккио возвращается, пытаясь скрыть свое поражение.

— Там дальше есть еще одна мастерская — говорит он.

— Но ведь это же был твой приятель! — удивляется Ваньо.

— Другой мне больше знаком, — не задумываясь, отвечает Пиноккио.

Вдруг откуда-то к ним подбегает подросток, а вслед за ним еще несколько ребят. Все возбуждены, говорят шепотом.

— Сейчас она там! — показывая на пятиэтажный дом, сообщает первый мальчик, обращаясь к Пиноккио.

— Кто? — спрашивает Пиноккио.

— Шпионка! — хором отвечают дети.

— Откуда вы знаете? — сомневается Пиноккио. По всему видно, что он — главарь этой компании.

— Мышонок, когда пошел за кефиром... — начинает объяснять первый мальчик.

Но сам Мышонок не желает, чтобы кто-то другой рассказывал об этом.

— Я... я... ее ув-в-вид-д-дел — я и б-буду р-рассказ-з-зы-вать! — прерывает он заикаясь.

— Пока ты скажешь... — подтрунивают над ним другие.

Но он, не обращая внимания на насмешку, продолжает:

— К-к-когда я п-п-пошел за к-к-кефиром. — Он размахивает пустым бидоном. — К-к-когда я п-п-пошел за к-к-кефиром...

— Ну, и к-к-когда ты п-п-пошел за к-к-кефиром?.. — смеясь, подбадривает его Пиноккио.

— К-к-когда я п-п-пошел за к-к-кефиром, — начинает опять Мышонок, — то ув-в-видел, к-как она вх-х-ходила. И все о-о-осматривалась. И к-к-когда меня увидела, то н-на-ч-чала искать п-п-почтовый ящ-щик. А ч-ч-чего искать, к-к-когда она ст-т-только раз п-п-приходила сюда и р-р-раньше?

— А ты уверен, что это была она? — спрашивает Пиноккио.

— А к-к-как ж-ж-же? — возмущен таким недоверием Мышонок.

— Ей платят договорами! — произносит один малыш.

— Долларами! — поправляют его.

На соседнем дворе за небольшим грузовиком с овощами прячется группа ребят. Пиноккио и Ваньо бегут по улице.

— Когда я сниму кепку, значит, она идет, — прежде чем разойтись, предупреждает нового приятеля Пиноккио.

...Наш мальчик с велосипедной цепью в руке притаился за одной из афишных будок. За углом дома напротив караулит «шпионку» Пиноккио. Он должен подать сигнал. Томительные минуты ожидания!

Сначала Ваньо стоит, боясь пошевелиться, не сводя глаз с сигнальщика...

...Потом уже сидит на краю тротуара, подперев голову кулачком, но все еще смотрит в сторону Пиноккио...

...А теперь он поднялся и осторожно двигается, ставя каблук одного башмака впереди носка другого.

«Сигнальщик» же по-прежнему не подает никаких знаков. Становится скучно. Видно, что и тому — напротив — тоже скучно. Но вот в конце концов «сигнальщик» делает знак рукой нашему герою, и оба крадутся к подъезду дома, откуда должна выйти «шпионка»... Опасливо озираясь, проникают в тесный дворик, где шпалерами стоят баки для мусора с такими неуместными здесь надписями: «Пенчо Славейков». Быстро спрятались за баками недалеко от подъезда.

— А когда она выйдет, что мы будем делать? — спрашивает Ваньо. Их задача ему не совсем ясна.

— Выследим ее,— отвечает Пиноккио, хотя и ему ничего не ясно.

Наш мальчик замолкает. Потом признается:

— Мне страшно.

— Не бойся! — успокаивает его Пиноккио. — Ведь я же здесь!

Мальчик смотрит на него. В его взгляде видны и вера и сомнение... И как раз в эту минуту открывается дверь подъезда. Оба вздрагивают. Но из дома выходит какой-то маляр.

— Ты в каком классе учишься? — спрашивает мальчика Пиноккио.

— Во втором, а ты?

— В четвертом.

— В какой школе?

— В двадцать третьей. Я тебя видел в Доме пионеров.

— И я тебя видел.

Дверь опять открывается. И опять оба застывают в напряженном ожидании. На этот раз кто-то замешкался у открытых дверей. Наконец появляется старушка.

— Я ничего не боюсь,— заявляет Пиноккио.

— А я ел яд для мышей! — хвастается наш приятель.

Но на Пиноккио его слова не производят никакого впечатления! А ведь это не мало — съесть яд, которым морят мышей!

— А после мне делали клизму! — добавляет мальчик.

В этот миг из подъезда дома напротив выскакивают на улицу два мальчика.

— Идет! Идет!

Мальчишки замирают. Ведь подъезд в пяти шагах от бака, за которым они прячутся.

Но вдруг наш мальчик широко раскрывает глаза и, забыв, что он прячется, поднимается

из-за бака. На его личике написано удивление. Женщина, вышедшая из подъезда, — его мать! Она закрывает за собой дверь, смотрит наверх, очевидно, на окна квартиры, из которой только что вышла, и весело машет перчаткой. Но лицо ее мгновенно меняется: становится серым от удивления и страха. За баком с мусором она увидела своего сына.

— Ты... ты что здесь делаешь, а?... Кто тебя послал?... — начинает она допрос о том, что ее больше всего тревожит... Но, не закончив, замолкает.

— Я... я... — мямлит мальчик, готовый заплакать. — У меня порвалась... — Он показывает несчастную велосипедную цепь, которая все еще у него в руках.

— И поэтому ты пришел даже сюда?... Кто эти дети? — Мать, схватив сына за руку, вытягивает его из-за бака, за которым теперь остается один, тоже выпрямившийся во весь рост, удивленный Пиноккио.

Мальчики, которые находились поблизости, тоже забыли о своей конспирации и, ошеломленные, наблюдают на расстоянии десятка шагов за происходящей сценой.

— Они... они... думают, что...

Мать испуганно смотрит на мальчика. Затем пристально оглядывает группу детей и снова смотрит на сына.

Не зная еще точно, о чем идет речь, спрашивает Ваньо:

— И ты им веришь?

Неестественность поведения матери, нерешительность ее ответов, смущение во взгляде не укрылись от мальчика, вызвав сумятицу и испуг в его детской душе. Глаза ребенка наполняются слезами.

— Они говорят, что... Введь ты не... не такая?

— Какая? — вся дрожа, с трудом заставила себя вымолвить мать.

Но мальчик уже вырвался из ее рук и бросился на ребят. Привычная вера в мать и неожиданное сомнение в ней привели его к этому взрыву! Плача, он замахивается на детей цепью, грозит им кулаком, топает ногами и кричит:

— Моя мама шпионка?... Моя мама шпионка?... Врете! Врете! Она не шпионка! Это ваши матери шпионки!

Мать бежит к нему.

Чувство облегчения, охватившее ее в результате выяснившегося недоразумения, смешивается у нее с возрастающим чувством вины перед этим маленьким существом, которое ее любит, верит в нее и готово защищать ее честь так самоотверженно! Поймав сына, она с трудом оттаскивает его от ребят.

Ей хочется быстрее уйти отсюда, потому что двое-трое местных жителей уже остановились рядом, наблюдая за происходящим.

— Оставь их! Пойдем! Пойдем!

Отводит его от детей, достает из сумки носовой платок и вытирает заплаканное лицо сына.

Шагая рядом с матерью, Ваньо шмыгает носом. Наконец, успокоившись, спрашивает:

— А ты зачем приходила в этот дом?

— У одной знакомой была, вот зачем, — отвечает мать.

В сущности, значит, все очень просто!... И, поняв это, мать становится, как всегда, спокойна... Ох уж эти глупые ребята!

Их догоняет сын йога. Он протягивает нашему мальчику велосипедную цепь, которую тот оставил на поле сражения.

— На! — говорит он. — Завтра я опять приду. — И убегает.

— Что это за мальчишка? — спрашивает мать. — Как его звать?

— Пинокио, — смеясь, отвечает сын.

Продолжая разговаривать, они направляются в нашу сторону. Их голоса заглушает работающая бетономешалка, мимо которой они проходят, но мы видим, что мальчик уже совсем успокоился, а на лице его матери, ставшем сейчас как будто более умным и сердечным, чем было во время прогулки на машине, написано глубокое душевное смущение...

Вот они оба в трамвае. Ваньо забыл историю с цепью. Он оживленно говорит что-то своей матери, которая рассеянно смотрит через оконное стекло.

— Мама, мне обещал дядя, когда я научусь нырять, дать ласты и маску. А я уже могу!

Он зажимает ноздри по примеру своего нового друга и показывает, как может «не дышать». Но мать все еще не обращает на него внимания, и ему приходится ее толкнуть, чтобы она посмотрела на него.

А теперь они уже в квартире, где живут.

— Ни в коем случае не говори отцу, где ты шпаялся! — наставляет мать. — Иначе он тебя накажет!

Мальчик смотрит на нее смущенно — он все не ожидал от нее такого совета.

— А ты меня не выдашь?

— Нет,— обещает мать.
— А если он меня спросит?
— Скажи ему, что ходил в парк.
— Хорошо,— говорит мальчик, но чувствует-ся, что хотя он и рад, но одновременно как будто и глубоко озадачен.

На экране крупно: задумавшееся личико мальчика. Звучит знакомый музыкальный мотив. Слышится голос диктора:

— Ну что ж, так мы и будем молчать? Давай говори, в чем дело.

— Ни в чем!

— Как же ни в чем? Говори, говори, чтобы мы услышали! (Пауза.) Ах так? Ну тогда и я тебе ничего не скажу!

— Но почему она сказала, чтобы я не говорил папе?

— А ты хочешь ему сказать?

— Нет, но все-таки почему она просила, чтобы я не говорил?

— Чтобы он тебя не поколотил, вот почему... Да-да... Но ты мне скажи теперь о другом...

— Не скажу! Не скажу!

— Это почему же?

— Так. Потому что и вы что-то от меня скрываете!

— Глупости! Что мне скрывать?

— Не знаю, но вы что-то скрываете!

Но, слава богу, дети легко забывают неприятности. Мелькают сценки третьей интермедии, пестрые и веселые, как мотив, который их объединяет.

Вот наш герой осторожно принимает из рук Славчо маленького ежика. Вот трое приятелей с

помощью палочек, спрятанных за спиной, то приподнимают, то снова надевают свои кепки. Со стороны кажется, будто кепки покидают их головы сами собой. Ребята в восторге от своей проделки, они считают ее очень смешной. Вот они опять дерутся на дуэли. Вот вратарь Ваньо бросается влево, в то время как мяч летит вправо... Вот он играет на своей странной скрипочке, потом снова, с надеждой бежит к телефону... И, наконец, он в сценке, которая нас вводит в последний эпизод фильма.

Мы перед выходом из кинотеатра. Идет дождь. Промок щит с рекламой фильма «Привидения в замке Шпессарт». Утренний сеанс только что окончился. В потоке выходящих зрителей мы видим и знакомых нам детей. Они останавливаются перед небольшой витриной с фотографиями кадров этого фильма. Вертясь и подпрыгивая от возбуждения, ребята оживленно комментируют просмотренный фильм, потом набрасывают на себя прозрачные дождевики и бегут по домам...

Наш герой, мокрый, входит в квартиру.

— Мама, знаешь, какой фильм!..

— Обувь! — приказывает ему мать.

Она опять такая же, как всегда, миг раскаяния забывает.

Ребенок послушно снимает башмаки, надевает тапочки, продолжая возбужденно рассказывать:

— ...Только не околеет от страха!..

— Что это за слово! — снова прерывает его мать, направляясь на кухню.

Ребенок входит в гостиную, где отец читает газету.

— Папа, знаешь, какой хитрый фильм!..

— А где ты взял деньги? — спрашивает его отец.

— Из моих... О призраках фильм. Сначала их можно было видеть, но потом одна колдунья приготовила лекарство и...

— Хорошо, хорошо, — говорит отец. — Потом мне расскажешь.

Мальчик поворачивается на пятках. Выходит на лестничную площадку и входит в открытую дверь квартиры соседа — зубного врача. В прихожей сидит только один пациент. Через полуоткрытую дверь кабинета виден работающий дантист.

— Товарищ Джамбазов, а Васко дома? — спрашивает мальчик.

— Нет его! — отвечает врач.

Ваню поворачивается к пациенту. Но у того на лице такое страдальческое выражение, что у нашего героя пропадает желание рассказывать ему о кинофильме и он снова выходит на площадку, секунду стоит в нерешительности, потом возвращается домой.

— Ты куда пропал, а? — встречает его замечанием мать. — Твой дядя Георгий тебя ищет!

К телефону ребенок бежит с сияющим лицом. От волнения он не так берет трубку и начинает говорить в наушник. Потом поправляется.

— Дядя Георгий! Дядя Георгий!..

...Послеобеденный час. Умытый, причесанный, нарядный, как манекен, мальчик выбегает из подъезда, осматривается и бежит к дяде, который звонил снизу и сейчас ждет его, приклонившись к дереву, зажав от нечего делать в зубах сигарету. Это человек лет тридцати пя-

ти, высокий, худощавый, с изрезанным морщинами, но чрезвычайно привлекательным лицом. Все в нем — движения, голос, улыбка — просто, твердо и мужественно. Это человек, в которого можно влюбиться с первого взгляда. Одет он не очень изысканно, но со вкусом.

— Дядя Георгий!

— Го, прямо бенгальский тигр! — говорит дядя, принимая в объятия бросившегося к нему мальчика. Опустив его на землю и вынув сигарету изо рта, дядя немного иронически рассматривает его.

— Ты вырос... И какой элегантный. Прямо маленький лорд Фаунтлерой!

— Ты это новый купил? — спрашивает мальчик.

Речь идет о мотороллере «Вятка», стоящем у тротуара.

— Подремонтировал старый — отвечает дядя. — А ваши-то дома?

— А у нас есть машина! — похваляется мальчик. — Во-он она там!

— Это хорошо! — говорит дядя, не взглянув, однако, на машину, стоящую в маленьком дворике. — Ваши-то дома?

— Мама у парикмахера. Просила, чтобы мы ей сказали, если поедем, — говорит мальчик и показывает в сторону той парикмахерской, мимо которой в свое время он проходил вместе с Пиноккио.

— Беги тогда! Скажи ей, что в восемь часов мы вернемся.

— Не хочется! — пробует упираться мальчик.

— Беги! — приказывает дядя, берясь за «Вятку».

И мальчик бежит к парикмахерскому салону...

Он входит в салон и боязливо отодвигает занавеску, отделяющую косметический кабинет. Восемь женских лиц в ничего не выражающих, по карнавальному страшных масках смотрят на него с двух сторон. Ребенок боязливо и смущенно останавливается: он не может разпознать свою мать.

— Мама! — зовет он беспомощно.

И сразу несколько масок поворачиваются к нему.

— Иди ко мне! — говорит одна из них.

Мальчик приближается.

— Дядя пришел?

— Пришел. Он сказал, что мы вернемся в девять.

— Не в девять, а в восемь! — говорит мать. — И не испачкай...

...Мы не слышим ее последних напутствий. Мы уже на улице перед салоном, где дядя только что остановил свою «Вятку». Выходит мальчик.

— Что она сказала? — спрашивает дядя.

— Чтобы я не испачкался! — говорит он, еще смущенный. И, может быть, это слово ассоциируется у него с «испачканными» лицами женщин в салоне.

— Тогда поедem! — говорит дядя, делая знак ребенку.

Тот вскакивает на «Вятку» позади него. Дядя подает ему свои мотоциклетные очки, и мальчик становится похожим на марсианина.

— Куда поедem? — спрашивает он.

— В кино, — говорит дядя. — «Приключения в замке...», не знаю, как он называется.

— Шпессарт, — подсказывает мальчик.

— Но ты уж, видно, его смотрел!

— Ничего! Это очень хороший фильм! — Он готов снова начать рассказывать фильм от начала до конца.

— Хорошо, — говорит дядя. — Только до начала сеанса у нас еще есть время. Куда съездим, а? У меня есть одно предложение, выбирай!

И он протягивает ему через плечо два пальца. Мальчик хватается за один из них.

— Решено, — говорит дядя и дает газ.

— Куда мы?

— В одно место.

— А если бы другой? — кричит марсианин сквозь рев мотора.

— Туда же! — смеется дядя. — Я же тебе сказал — «одно предложение».

«Вятка» мчится по улицам столицы, мимо переполненных трамваев и... вдруг останавливается...

— Почему остановился? — спрашивает ребенок.

— Чтоб подумать кое о чем, — говорит дядя.

— О чем?

— «Рожок» тебе купить или «стаканчик»?

Только теперь ребенок замечает вблизи лоток с мороженым.

— «Рожок»!

Оба слезают с «Вятки», покупают один вафельный рожок с мороженым.

— А тебе? — спрашивает Вань.

— Мне это, — показывает дядя сигарету.

Закурив, он отдает Ваню коробку из-под сигарет «Арда» второго сорта. В ней лежит одна сигарета.

— Будь внимательным в этой игре! Эта сигарета здесь — мне на завтра. Я могу тебя просить, могу требовать ее у тебя, но ты не должен мне давать.

— Не буду! — говорит Вань, пряча коробочку в карман.

Они уселись на скамейку в маленьком сквере.

— Давай поговорим. Тысячу лет уже не разговаривали по-мужски.

— Конечно, если ты не приходишь!

— В командировке был, ведь говорил тебе!

— А сейчас опять здесь?

— Почти. Сейчас я в Кремиковцах.

— Насовсем?

— Ну, ты ведь знаешь... Мы же странствующие рыцари. А как у тебя в школе дела?

— Нас отпустили на каникулы!

— Тяжело, конечно, но как-нибудь переживешь. А скрипка как? — Увидя гримасу на лице ребенка. — Ясно. Из тебя выйдет великий Паганини. Осторожно, не капни на себя мороженым, а то твоя мама... — Смотрит на часы. Сейчас до кино мы должны еще повернуть одно небольшое дело. Ты не бывал там, где делают газеты?

— Нет.

— Тогда увидишь. Только пойдем на одну хитрость. Если нас не будут пускать, то скажем, что завтра уезжаем в провинцию.

— Но папа говорит, что врать нельзя.

— Потому что отцу твоему некого обманывать. Мы же время от времени хитрим в интересах дела. Важно, чтобы оно не обманывало, — говорит дядя и показывает на грудь ребенка.

Оба стоят перед проходной в редакцию.

— Она дежурит. В наборной, — говорит старик вахтер. — Первый этаж налево. — И кладет трубку на вилку телефона.

Идут по редакционным коридорам.

— Посмотри, что сейчас произойдет! — наклоняется дядя к уху мальчика. — Пишут, не бывая на объектах! В пастилу их превратим!.. Ты знаешь, что такое пастила?

— Нет, — признается мальчик.

— Ну, сейчас увидишь!

Открывают дверь с табличкой «Машинный набор» и окунаются в шум ленточных машин.

В углу за столом дежурного редактора, заваленным гранками, сидит молодая некрасивая журналистка.

— Товарищ Христова? — спрашивает дядя.

— Да, а вы со строительства свинцового завода?

— Точно так, — отвечает дядя.

— Садитесь, пожалуйста!

— Нет смысла садиться, — отказывается дядя. — Мы быстро договоримся.

— Хорошо, тогда слушаю... Говорите... — бросает журналистка.

— Это вы говорите! — предлагает дядя. — Вы знаете все дела, вы и говорите! На строительстве, куда я прикомандирован, имеются сведения, что вы подготовили статью об этой стройке. Люди хотят знать, проверены ли факты и как вы их могли проверить, если даже не были на объекте!

Тон у дяди атакующий, резкий.

Мальчик явно радуется тому, что он сейчас расправится с этой журналисткой.

— Я была на стройке, — говорит та спокойно. — Два раза.

Эти слова несколько огорошили дядю, но он не сдаётся.

— Ну и?..

— И... — повторяет журналистка и достав записную книжку находит данные, которые ей

нужны. — Во-первых, верно ли, что план за квартал невыполнен вами на семь процентов?

— Верно, но... — говорит дядя, облачиваясь на стол и заглядывая в блокнот журналистки.

— Во-вторых, верно ли, что четыре фермы не могут быть использованы, потому что не подходят по размерам?

— Верно, — соглашается дядя.

— А верно, что постановление № 361 не выполняется и что семь автобусов из гаража Орешица должны перевозить полторы тысячи рабочих на расстояние в тридцать километров?

— И это верно, — не возражает дядя.

— Ну так в чем же дело?

Мальчик с удивлением наблюдал, как его дядя со всем соглашался. А сейчас он просто растерялся, услышав спокойно сказанные слова:

— Мне нечего больше сказать. До свиданья, товарищ журналист. И... извините!

Но и журналистка удивлена его неожиданным тоном. Она смотрит ему в глаза.

— Подождите, товарищ! — говорит она. — Кто вы?

— Дядя Георгий! — спешит ответить ребенок.

— Точно так! — смеется дядя.

Он подает руку мальчику, и оба уходят.

...А в коридоре мальчик обращается к нахмутившемуся дяде и наивно спрашивает:

— Дядя, что значит «пастила»?

Дядя невольно веселеет:

— «Пастила» — это то, что сделали из твоего дяди! — говорит он сквозь смех...

Снова «Вятка» мчится по городским улицам. Но перед запасным входом одного театра их останавливает, размахивая руками, какой-то знакомый дядя:

— Гошо! Ты мне нужен!.. Это называется «деус экс махина!». Брат, иди-ка, помоги мне!

— Но у нас свои дела, — пробует возразить дядя.

— На минуточку же, человеке! У нас тут одна интересная задача. Надо поставить одно венское колесо на сцену, но так, чтобы его можно было бесшумно вытащить в середине второго действия.

— Хорошо, завтра зайду.

— Никакого завтра!.. Ты же в прошлом сам участник художественной самодеятельности, черт тебя подери!

— В прошлом! — подчеркивает дядя.

— Ты за культуру, черт тебя подери?

— За культуру, конечно! — смеется дядя.

— Ну тогда зайди на минутку!

И дядя делает в сторону своего маленького спутника жест, означающий собственное бессилие, прислоняет «Вятку» к кромке тротуара и вместе с ребенком входит в театр...

Репетируется какой-то эстрадный скетч. В разных углах сцены — актеры: Генерал, Банкир, Джентльмен и Знахарка. На переднем плане три чтеца, взявшись за руки, декламируют:

«И так среди шампанского и стачек
Шла широким шагом по Европе...»

Из мрака зрительного зала слышатся шлепки ладоней и крик режиссера:

— Анести! Где Анести?

Чтецы прерывают репетицию.

— Я здесь! — доносится из-за кулис голос Анести.

— Ну сколько раз я должен повторять! То, что ты даешь,— разве это фиолетовый? Давай сначала!

— А я могу, когда раздавливаю шарик, сказать: «Лопнуло наше дело»? — предлагает Джентльмен, вглядываясь в темноту зала.

— Нет, нельзя! Ты не раздавливаешь, а только давишь его! — отвечает ему из темноты голос режиссера. — Заново! Начинаем!

Репетиция продолжается.

Чтецы.

И так среди шампанского и стачек
Шла широким шагом по Европе
Великая

Революция!

Генерал.

Надо хранить престол царя,
Иначе весь мир пропадет!

Банкир.

И мои дивиденды!

Джентльмен.

И мое вечернее бренди
И мои костюмы денди!

Знахарка.

Географические карты предсказывают
четыре валета
по четыре пистолета, ха-ха-ха!

Но вдруг репетиция снова прерывается. Режиссер опять хлопает в ладоши и кричит из темноты:

— Что это за безобразие!

Это относится уже к нашему герою. Чтобы лучше видеть происходящее на сцене, мальчик сначала высунулся из-за кулис, а потом и совсем вышел на освещенную площадку.

— Но так же нельзя работать! — распаляет режиссер. Выскользнув из темноты, он по-

является на сцене, размахивая руками. — Так нельзя работать! Мы или будем заниматься искусством, или... Что это за ребенок? Каким образом на сцене появляется ребенок, когда я веду репетицию? Объясните мне это! Нет, я хочу, чтобы вы мне это объяснили!

Мальчик под светом прожекторов стоит, как парализованный. Но это длится только одно мгновение.

— Хорошо, я тебе объясню, — говорит спокойно дядя, появляясь на освещенной площадке среди актеров. — Ребенок со мной.

— Ну, Гошо!.. А ты что здесь делаешь, а? — вдруг меняет тон режиссер.

— Колесо вам делаю, — отвечает дядя.

— Да? Ну и выйдет что-нибудь?

— Выйдет, сделаем как-нибудь, — обещает дядя.

— Чудесно! — радуется режиссер, забывший о своем театральном гнев. — А ты где сейчас, а? Совсем исчез с горизонта. Много лет с тобой не виделись. Помнишь наши агитбригады?

— На старой работе, — говорит дядя.

— Зайди как-нибудь, поболтаем. Это твой сын?

— Нет, — отвечает дядя. — Племянник.

— Хороший парнишка! — хвалит режиссер и гладит по голове смущенного ребенка...

Наконец они выходят из театра.

— А это кто был? — спрашивает Ваньо.

— Режиссер.

— А почему он так называется?

— Это его профессия, — отвечает дядя. — Но он не плохой человек.

— Ну нет!

— Слушай, — останавливается дядя. — Тебе лучше не вмешиваться в проблемы искусства.

Для этого дела есть другие... Сейчас мы оставим здесь наше средство передвижения.

Он вынимает ключ зажигания из своей «Вятки» и они уже пешком идут по направлению к кино...

— Ой, ты знаешь, как давно я искал эту книгу! — восклицает дядя, останавливаясь перед витриной магазина технической литературы. — Сколько стоит?

— Два десять, — отвечает продавщица.

Дядя достает портмоне. Потом смотрит на мальчика.

— Да, веселое дело! Особенно когда у тебя только один лев пятьдесят стотинок. — Он роется в карманах. — И здесь нет!.. И здесь нет!.. — Обращается к ребенку: — А у тебя, случайно, нет?

— Нет! — жалобно говорит мальчик.

— И что же нам теперь делать? — вздыхает дядя. — Ай-ай! А вы не можете не продавать ее до завтра?

— Нельзя, товарищ, — отвечает продавщица. — Это последний экземпляр.

— И на нее большой спрос?

— Наверняка через полчаса ее уже не будет.

— Разумеется! — сокрушается дядя. — Такая ценная книга. Как бы она помогла мне в работе! — Он опять роется в портмоне. — Нет и нет! Только билеты... — И будто только сейчас ему приходит мысль: — А если мы их продадим? Как назло, именно столько и требуется...

— А-а-а! — говорит плаксиво мальчик.

— Да, верно! Тебе хочется в кино. Бог с ней, с книгой! Обойдемся и без нее!

На лице мальчика — душевная борьба.

— Давай продадим их! — говорит он наконец. — Я ведь смотрел уже этот фильм.

— Хорошо, — говорит дядя, но вдруг «замечает» что-то в портмоне. — А-а! Так у меня было! И куда они сначала завалились?

— Хе-е-е! — говорит мальчик с просветлвшим лицом.

— Сейчас мы и книгу будем иметь и в кино сходим! — восклицает весело дядя.

Он платит продавщице, которая незаметно ему улыбается, и берет книгу.

— На, неси ее ты!

И оба довольные выходят из книжного магазина. Идут в толпе других прохожих. Дядя ведет за руку ребенка, а тот несет книгу...

Входят в кинотеатр. Публику еще не впускают в зрительный зал, и мальчик, возбужденный предстоящим удовольствием, поясняет дяде фотографии, висящие в витрине.

— Призрак скрывается за этими часами! — говорит он.

— А потом выходит, что ли? — интересуется дядя.

— Да, и ударяет его по голове этим таганком!

— Ого! — смеется дядя.

— А эта делает одно лекарство, чтобы они стали видимыми, но кладет слишком много синьки, и они становятся синими!

— Не может быть! — говорит уже машинально дядя.

— А здесь... — продолжает мальчик.

Но дядя больше не слушает его. Его внимание привлекла сцена, происходящая у кассы кино.

К кассе, без очереди, подошли три здоровенных парня. Один наклонился к окошечку, намереваясь купить билеты.

— Эй, ты! — обращается к нему один из стоящих в очереди граждан. — А ну-ка встань в очередь!

Парень делает вид, будто не слышит.

— Это вам говорят, — замечает женщина. — Почему вы так лезете?.. Для вас что, очередь не существует?

Но парень уже подает деньги, протягивая руку через плечо стоящего у окошка кассы.

— Ты слышишь?.. Тебе говорят!.. — Возмущенный гражданин протягивает руку и берет парня за плечо.

Только теперь парень наконец «замечает» его. И, словно увидев что-то необычное и любопытное, удивленно тянет:

— Да ну-у-у!

— Сейчас увидим твое «ну-у-у», когда позовем милиционера! Хулиганы!.. — повышает голос гражданин.

— Шпана! — громко вставляет женщина.

Но хулиган удивлен еще больше.

— Да ну-у-у!

Он переглядывается со своими приятелями, которые, улыбаясь, также пожимают в недоумении плечами. Парень все же наклоняется к окошку и протягивает деньги.

— Безобразники! — говорит кто-то в очереди.

Но по всему видно, что протесты эти останутся без результата. Многолюдная очередь пасует перед кучкой нахалов!

— Ты постой здесь! — велит дядя мальчику. Положив мундштук в карман, он подходит к хулигану, хватает его за ворот пиджака и с силой отрывает от окошка кассы. Потом поворачивает лицом к себе и как бы с удивлением рассматривает.

— О-о-о! Да ты, кажется, давно кулака не пробовал! — И снова сильно толкает.

— Што ты?.. Што ты хочешь, а? — спрашивает сразу перетрусивший хулиган.

— Кыш отсюда, пока я тебя не убил! Тебя и этих там! — произносит сквозь зубы дядя и, взяв парня за лацканы пиджака, отбрасывает в сторону.

— А ты кто такой, а?.. По какому праву... — кричит хулиган, оглядываясь на приятелей.

Но его дружки уже торопливо удаляются, а дядя, гневный, наступает на замешкавшегося парня.

— Я тебе сейчас покажу, по какому праву!.. Однако тот, не дожидаясь этого, быстро ретируется из кинотеатра.

Дядя поправляет свой пиджак и, стараясь успокоиться, обращается к восхищенно смотрящему на него племяннику:

— Айда, пускают уже...

Оба входят в зал...

...Вот они сидят в полутемном кинозале. На экране носятся призраки замка Шпессарт. Но мальчик сейчас их не видит. В полутьме он медленно поворачивает лицо в сторону своего дяди, смотрящего на экран, и своими горящими глазенками незаметно изучает его мужественный профиль...

Уже стемнело, когда они выходят из кинотеатра. Дядя садится на мотороллер и собирается ехать, зовет Ваню:

— Поехали!

Неожиданно мальчик отскакивает в сторону.

— Не хочу!

— Ясно, — говорит дядя, хотя на самом деле и не понимает в чем дело. — Садись, а то мы опоздаем.

— Нет! — повторяет мальчик и топает ногой. — Я хочу к тебе! Завтра воскресенье!

— Поехали — предлагает дядя. — Мы не дети и договоримся друг с другом по-человечески. Если ты сейчас устроишь историю, тебя больше со мной не пустят... Да мне и неудобно... Завтра День строителя, и сегодня я иду на вечер.

— Возьми меня с собой!

— Нельзя.

В ответ мальчик разрыдался.

— Поехали! — Все еще спокойно настаивает дядя. — Иди сюда! Раз... Два... Поехали же! — И уже нетерпеливо: — ну, а если не хочешь — нашей дружбе конец!

— Но раз мы друзья, так почему ты не берешь меня?

— Слушай! — уговаривает дядя. — Подумай, что обо мне скажут?!.. Что я не могу справиться с мальчиком! Такой большой человек, семьдесят три килограмма весом, с высшим образованием и одним большим пальцем, который может извиваться!

— Какой большой палец? — сквозь слезы спрашивает ребенок.

— Да уж такой!.. — отвечает дядя.

Он собирается показать на пальцах какой-то фокус. Любопытство заставляет мальчика забыть об осторожности, и он приближается к дяде. Тот пытается поймать его. Обиженный ребенок быстро отскакивает.

— Поехали! — начинает снова дядя. — Раз... Два... Два... Два с половиной...

— ...Три! — Но эту цифру произносит уже не он, а Вань.

Они стоят в телефонной будке, и мальчик диктует дяде номер телефона своей квартиры.

— 3-24-45, — новторяет дядя, вертя диск автомата.

Видно, что он капитулировал. Глаза ребенка сияют в темноте...

В простеньком ресторане строителей полно табачного дыма. Компания рабочих уже порядком выпила. Дядя стал немного сентиментальнее. Слышится медленная песня:

«...Во главе их, милая моя,

Сам царь Иван Шипман, милая моя...»

— Как дела? — кричит дядя, заглушая песню. — Как развиваются события?

— Экстра! — отзывается мальчик, размахивая вилкой, на которой нанизано кебабче. Его костюм уже запачкан, а волосы растрепаны.

— Молодец! — хвалит дядя. — Мужчиной будешь!

В бокал с лимонадом, который стоит перед ребенком, он подливает немного вина и чокается с ним.

— Будь здоров!..

Скромная комнатка дяди. На одной стене на гвоздях развешена одежда, на другой две-три фотографии и портрет Ленина, вырезанный из газеты, в углу — резиновые сапоги.

Дядя и племянник раздеваются. Дядя, оставшись в спортивной майке, бьет себя кулаком по груди и издает тарзаний крик:

— Ау-у-у!

Мальчик тоже снимает рубашку и то же кричит. Дядя замечает звездочку, приколотую к его нижней рубашке.

— Она тебя не царапает? — спрашивает он насмешливо.

— Нет! — смущается мальчик.

— А тебя не грызет совесть, что ты ее спря-
тал? — прищурился дядя.

— А ты даже и так ее не носил, — неуклюже
оправдывается мальчик.

Расчувствовавшийся дядя одевает ребенка в
свою пижамную куртку, которая доходит тому
почти до колен и в которой он похож на клоуна.
Ваньо карабкается на железную кровать.

— Знаешь, что это такое? — спрашивает
мальчик, приставляя большой палец к носу и
растопыривая остальные.

— Нет. Что это?

— Половина вот этого, — объясняет доволь-
ный мальчик, приставляя к этой руке так же
растопыренные пальцы другой.

Он просто счастлив, что впервые ему дове-
лось показать свою шутку взрослому человеку.
Дядя смеется. Однако показывает ладонь, сло-
женную для шлепка.

— А это ты знаешь, что такое, а? Ну-ка ло-
жись!

И сам ложится рядом с мальчиком.

— Немного тесновато, — говорит он.

— Нет! — уверяет его Ваньо, отодвигаясь на
самый край постели.

— Только не упади! — говорит дядя.

— А ты не храпи! — просит мальчик.

И вдруг весь с головой скрывается под одея-
лом. Оттуда раздается его приглушенный го-
лос:

— Я иду из мира призраков!..

— Давай, призрак, лучше спать! — предлага-
ет дядя.

— Мы, призраки, не спим! — продолжает
игру мальчик.

— Ох, я забыл отдать тебе подарок! — вдруг
вспоминает дядя.

Мальчик мгновенно сбрасывает с себя одеяло.
Из-под кровати дядя вытаскивает чемодан.
Вынимает из него смятую рубашку.

— Это не то!

Достает старые ботинки.

— И это не то!

Достает что-то завернутое в газету.

— А вот это, кажется, то!

Разворачивает газету и вынимает большой,
как две ладони мальчика, чудесный камень,
весь из искрящихся кристаллов.

Минерал сразу же перешел в эти ладони, и
ребенок зачарованно рассматривает его, успев
только выдохнуть:

— О-о-о-о-о-о!

Минерал блестит своими острыми углами, чи-
стыми гранями.

— Это железо, — говорит дядя. — Пирит. Те-
бе нравится?

В ответ Ваньо обнимает его и целует в щеку.

— А теперь спи, — требует дядя, также це-
луя его и пытаясь забрать минерал.

— Нет-нет... Я его положу здесь, — просит
мальчик и кладет минерал на подушку рядом
со своей щекой.

— Хорошо! — соглашается дядя. — Спокой-
ной ночи!

— Спокойной ночи! — отвечает мальчик.

...Лежат... Обняв ребенка, дядя нарочно на-
чинает храпеть. Мальчик тоже начинает хра-
петь и даже подсвистывать... и незаметно для
себя быстро засыпает.

Осторожно повернувшись, не вынимая руки
из-под головы ребенка, дядя смотрит на него.
Тот действительно спит. Тогда он протягивает
руки к одежде мальчика, брошенной на стуле
возле кровати, достает из кармашка коробочку

сигарет «Арда», вынимает сигарету, вставляет ее в мундштук, зажигает одной рукой спичку и закуривает, не спуская глаз с потолка.

Воскресное утро. Люди еще отдыхают, и маленький скверик в знакомом квартале безлюден. Только одна скамейка занята. На ней сидят наши приятели и едят калачи. словно подчеркивая печаль предстоящей разлуки, откуда-то доносится музыка, прерываемая советами диктора, как приятнее провести воскресенье...

— Объявились наконец! — встречает их мать на лестничной площадке перед квартирой. — Побить бы вас обоих! Хороши, что один, что другой! У-у какой грязный!

Мать, разумеется, права. Одежда нашего лорда Фаунтлероя в плачевном состоянии! Но дядя другого мнения:

— Грязный? — удивляется он. — Ничего-то ты, сестричка, не понимаешь!

— А ты лучше на себя посмотри. Одна кожа до кости! — подавая руку, здоровается мать.

— Это все от тоски по вас, мадам, а главное, по вашему супругу! — церемонно кланяется дядя.

— Все тот же! — говорит мать. — Ну входи!

Мальчик дергает дядю за руку.

— Не могу, — говорит тот, поглядывая на свои часы. — Спешу! — И прибавляет тише, хоть и насмешливо, но с горечью: — А ты как?

Мать бросает опасливый взгляд на ребенка. Тихо и тоже горько отвечает:

— Ты, холостяк, смотри за собой!.. Для меня это уже не имеет значения!

— Так уж и не имеет! — не верит дядя, глядя по голове мальчика. — Ну, ладно!..

Из двери высовывается отец ребенка.

— О, Георгий!.. — И, заметив, что тот собирается уходить, показывая на свои намыленные для бритья щеки, машет рукой: — Значит, прощай! — И исчезает в направлении ванной.

— Спасибо, спасибо, — говорит дядя и добавляет тихо сестре: — Значит... Ну, ладно. Скоро позвоню.

— А когда «скоро»? — спрашивает мальчик.

— Скоро, — говорит дядя. — До свиданья. — И поднимает указательный палец, чтобы предупредить: — никаких слез!

Мальчик не плачет, но и не решается сказать «до свиданья». Они лишь трижды трясут друг друга руки. Дядя быстро спускается вниз.

Мать закрывает за ним дверь.

— Разувайся! — приказывает она и уходит на кухню.

Мальчик вертится в передней. В руке у него минерал. Не выдержав, он кричит:

— Мама, я забыл сказать ему что-то очень важное! — Открывает дверь и поспешно бежит вниз, перескакивая через две-три ступеньки.

Мальчик догоняет дядю как раз в тот момент, когда тот уже собирается двигаться в путь на своей «Вятке». Хватает его за руку и спрашивает все то же:

— Так когда ты придешь?

— Скоро. Скоро! — отвечает дядя, освобождая с нежным усилием руку. — Скоро!..

Гладит Ваню по голове... Потом резко дает газ. Мальчик долго смотрит ему вслед, сжимая в руке блестящий минерал.

На экране крупно: лицо мальчика. Лицо ребенка, у которого как будто бы все есть... и которому все же чего-то очень и очень не хватает...

Слышится более нежная, чем раньше, музыкальная мелодия и более теплый, чем всегда, голос диктора:

— А ты этого дядю, видно, очень любишь, а?

— Знаешь, какой он ценный?!

— Ценный, разумеется. Вон какой кристалл тебе дал! Это тебе?

— Да-а-а!

— Чудесно. Только ты должен беречь его. Хочешь, я скажу тебе тайну замка Шпессарт?

— Я ее знаю!

— Ничего ты не знаешь. Слушай: этот кристалл магический.

— Неверно.

— Нет, верно. Кто его имеет, становится настоящим рыцарем. Ему ничто не страшно, и никто его не может победить.

— Да нет же! Это простой пирит!

— Ого, ты, оказывается, много знаешь! Человек не может тебя обмануть. Тогда беги играть!

Откуда-то выскакивает Эмбо и уже посягает на блестящий минерал.

— Эй! Это твой? Кто тебе его дал?

— Мой дядя.

— Дай посмотреть!

— Ты его уронишь!

— Нет!

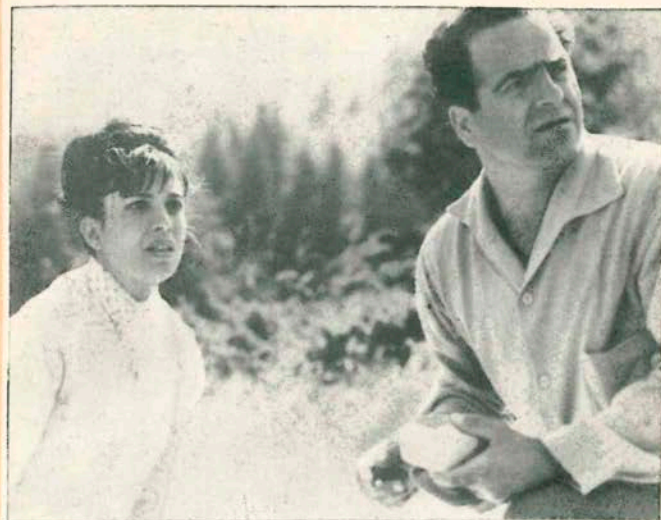
И минерал переходит в руки друга.

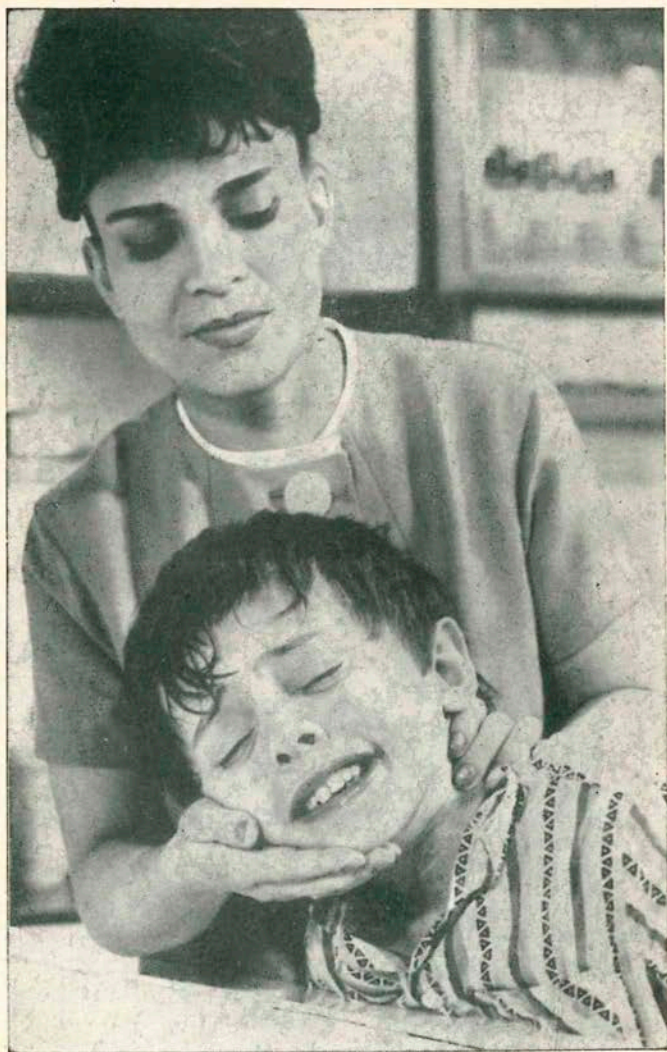
Но и появившийся Славчо хочет его подержать, и мы слышим знакомую реплику:

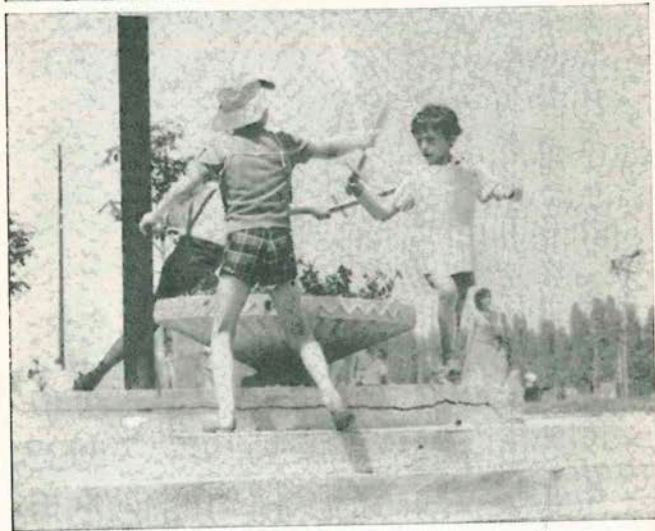
— Дай его и мне, я ведь тебе давал ежика!

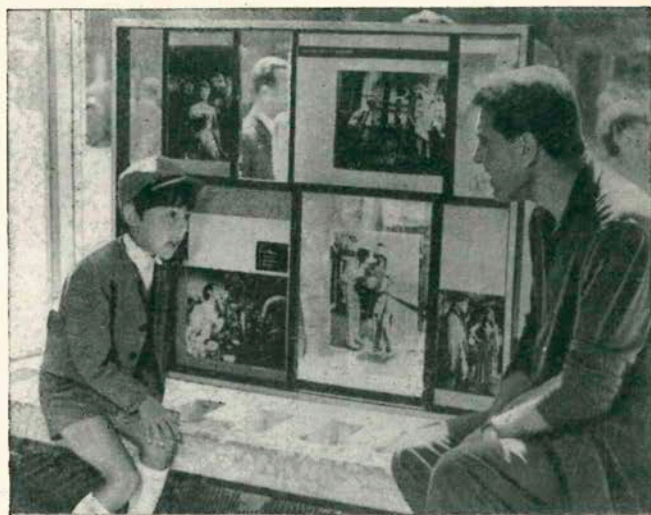
Третий мальчик тоже хочет потрогать минерал, а после него — и четвертый, и пятый.

И блестящий кристалл переходит из рук в руки, освещая радостью детские лица.

Фильмографическая справка

«Рыцарь без лат» («Рыцарь без брони») — производство Студии художественных фильмов в Софии, Болгария, выпуск 1966 года.

Автор сценария — Валерий Петров. Режиссер — Борислав Шаралиев. Оператор — Атанас Тасев. Композитор — Лазар Николов.

В главных ролях: Ваньо — Олег Ковачев, мать — Мария Русалиева, отец — Цвятко Николов, дядя — Апостол Карамитев.

На V Национальном кинофестивале в Варне фильм получил специальную премию жюри.

В том же году на XVIII Международном кинофестивале детских и юношеских фильмов в Венеции «Рыцарю без лат» присужден приз «Серебряный лев». Исполнитель главной роли в фильме Олег Ковачев награжден премией «За лучшее исполнение детской роли».

Петров Валерий

Рыцарь без лат

Редактор А. Г. Назарова. Художественный редактор Г. К. Александров. Художник А. Б. Коноплев. Технический редактор Г. П. Давидок. Корректор З. П. Соколова. Сдано в набор 29/III 1967 г. Подписано в печать 4/X 1967 г. Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 2 на текст и мелованная на иллюстрации. Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л. 2,96. Тираж 30 000 экз. Изд. № 15747. «Искусство», Москва, К-51, Цветной бульвар, 25. Заказ № 143. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109. Цена 19 коп.

дены на русский язык и изданы у нас в СССР.

Большой интерес вызвала его недавно опубликованная серия очерков «Африка», написанных автором после поездки в страны Африки.

Валерий Петров — автор многочисленных сценариев. Ряд фильмов, снятых по его сценариям: «На маленьком острове», «Первый урок», «Солнце и тень» и «Рыцарь без лат» — получил широкое признание во многих странах.

Фильм «Солнце и тень» в 1962 году на кинофестивале в Карловых Варах был удостоен специальной награды за экспериментальное произведение. В 1963 году на IV Международном московском кинофестивале этот фильм получил премию критиков-журналистов.

На V Национальном кинофестивале в Варне (1966) фильм «Рыцарь без лат» получил специальную премию жюри.

В том же году на XVIII Международном кинофестивале детских и юношеских фильмов в Венеции ему был присужден приз «Серебряный лев».

